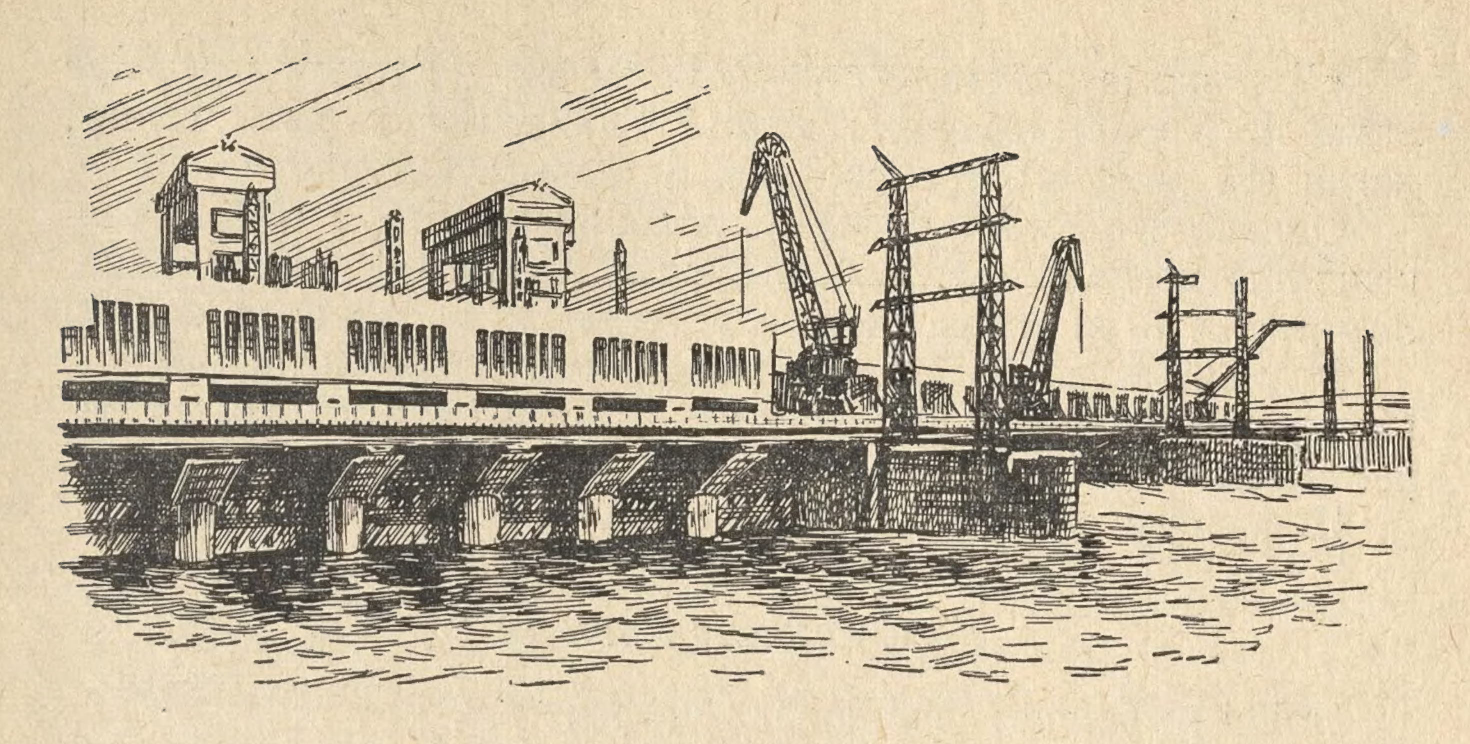

БОЕВЫЕ
РЕБЯТА
Вып. 21

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

ВЫПУСК ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

*Свердловское
Книжное Издательство
1955*

ОГНИ КАМСКОЙ ГЭС

Л. Румянцев — *Рисунок А. Немирова*

Что бы вы подумали, если бы вам в зимний, морозный день на улице довелось услышать такой разговор двух мальчишек:

— Спросись у мамы и пойдём. Скажи, ненадолго. Скажи, что рыбы принесём на две ухи,— убеждал своего друга розовощёкий парнишка.

— А вдруг дядя Артём не возьмёт: лодка-то у него небольшая?

— Возьмёт! Я попрошу.— Парнишка, защищаясь от ветра, поглубже натягивает шапку-ушанку. Глаза озорно блестят.— Эх, Колька, на волнах покачаемся. Красота!

— А с удочкой как же?

— Одну тебе уступлю. Не подведёт — бамбуковая, первый сорт.

Парнишка с гордостью потряхивает удилищами, которые почти втрое выше его, и говорит тоном видавшего виды рыболова: — Только варежки надень потеплее, чтобы руки не замёрзли.

«Дурачатся ребята,— подумали бы вы.— Кто же в разгаре зимы на Урале рыбачит с лодки? Какие могут быть волны, когда все реки и озёра скованы метровым льдом!»

Однако что же это такое? С радостным криком «Мама разрешила!» из подъезда дома выбежал знакомый нам Колька. Заметно, что он успел одеться потеплее и варежки не забыл.

Друзья весело зашагали к каменистому, заснеженному пригорку, где кончались широкие улицы посёлка и начинался берег Камы.

Поспешим же за ними. Удивительное всегда заманчиво.

Разбуженная земля

Наши рыболовы уже далеко впереди.

Их бы догнать, но то, что внезапно открывается перед глазами, поражает, и невольно замедляешь шаг. Маленькие фигурки рыболовов кажутся теперь ещё меньше на фоне гигантской индустриальной панорамы Камской гидроэлектростанции.

Ночью шёл густой снег, и сейчас на свежей белизне, осыпавшей строения и землю, очень чётко, как тушью на ватмане, вырисовываются контуры портальных кранов, мачты подвесной канатной дороги, линии высоковольтных электропередач.

Вдалеке, на левом берегу, виднеются здания бетонного завода, станций управления шлюзами, огромная насыпь земляной плотины с ажурными переплетениями моста. На правом — по всей прибрежной части, на много километров вдоль Камы раскинулись корпуса ремонтно-механического завода, лесокомбината, гаражей, двух арматурных заводов, бетонного, автоматического и десятки других крупных и мелких подсобных предприятий стройки. Всё это было воздвигнуто для того, чтобы покорить Каму — поставить поперёк её широкого течения могучую Камскую ГЭС.

С ребятами-рыболовами мы ещё встретимся, а пока зайдём во временный деревянный домик, примостившийся на самом краю правобережной стенки плотины. Здесь помещается контора строительного участка, которым руководит инженер Анатолий Николаевич Сидоров. Он может рассказать о том, как с 1949 года на товарных дворах пристаней и железнодорожных

станций появились многочисленные грузы с адресом, которого никогда ещё не было ни на конвертах, ни на посылках,— «КамГЭС».

— Поток грузов нарастал с каждым днём,— говорит Анатолий Николаевич.— Особенно много шло на стройку машин и механизмов.

Всю самую современную технику можно было увидеть здесь. Обилие машин, облегчающих труд человека,— вот что прежде всего бросалось в глаза и было отличительной чертой строительства.

За три года на строительстве Камской ГЭС было вынуто около 15 миллионов кубометров грунта. Наглядно представить себе эту цифру нам поможет такое сравнение: из всей этой земли можно было бы насыпать 30 огромных холмов, каждый высотой с двадцатиэтажный дом. Чтобы вынуть такое количество земли вручную, лопатами, потребовалось бы более шестнадцати тысяч землекопов, такое же количество возчиков и лошадей. Обычный же земснаряд на Камской ГЭС вынимал за сутки около 4 тысяч кубометров грунта, заменяя тяжёлый ручной труд полутора тысяч человек.

На строительстве нет ни одного участка работы, который не был бы механизирован. Здесь можно встретить все новинки строительной техники — от электровибратора, свободно загоняющего металлические сваи — шпунты на любую глубину, до рентгеновского аппарата, которым просматривалось качество сварки стальных стен шлюзов.

Покорение непокорной

Если бы на строительстве, как на корабле, вёлся вахтенный журнал, куда записываются все заслуживающие внимания события, то там мы прочитали бы:

1949 год. Забита первая шпунтина в котловане первой очереди.

18 июня 1951 года. В торжественной обстановке состоялась закладка первого бетона. Первый самосвал, украшенный лозунгами и кумачом, вёл лучший шофёр автогаража Вторых.

1953 год — год «большого бетона».

В тело плотины было уложено более 300 тысяч кубометров бетона.

6 сентября 1953 года. За рекордный срок состоялось окончательное перекрытие Камы.

16 апреля 1954 года. Опущены первые щиты. Началось рождение Камского моря.

О каждой из этих дат можно написать волнующую повесть. Вспомнить хотя бы 1953 год, сентябрь.

Основные работы в котловане первой очереди были завершены, и состоялся пропуск воды через сооружения. Непокорённой оставалась вторая половина реки. Там, за третьим бетонным быком, уже навечно поставленной части плотины, клокотала и пенилась холодная сентябрьская Кама. Ей надо было преградить дорогу, сделать затем второй котлован, откачать из него воду и достроить вторую часть плотины.

Кабинет главного инженера строительства, лауреата Сталинской премии Анатолия Фёдоровича Васильева напоминал в те дни штаб армии, готовящейся к прорыву. Были учтены все мелочи, был разработан чёткий и беспрекословный график работ, приведены в боевую готовность самосвалы и баржи понтонного моста. Рабочие бетонного завода рапортовали о том, что заготовили необходимое количество бетонных монолитных кубов, рабочие карьера сообщили: заготовлен камень.

Перекрытие нужно было закончить до наступления холодов, до шуги, следовательно, надо было на несколько дней раньше прикрыть навигацию на Каме.

Из Москвы пришло разрешение.

И вот уже закачался на волнах понтонный мост из восемнадцати барж. Он соединил правобережную перемычку с левым берегом. Один за другим пошли по мосту самосвалы, и полетели в Каму тяжёлые бетонные кубы, посыпался камень. За первые два дня непрерывной круглосуточной работы не было заметно почти никаких результатов. Кама жадно глотала бетон и камень, сбрасываемый с сотен самосвалов, и, казалось, не собиралась покоряться. Но ещё день — и насыпи поднялись над водой, а в суженном протоке река, забыв свою степенную величавость, металась разъярённым зверем, подхватывая и переворачивая тонные кубы, как щепки, напирала на мост, силясь сорвать его со своей груди, опрокинуть.

Пять суток продолжалось наступление, и Кама сдалась.

Отныне пароходам и плотам оставался только один путь — через шлюзы, а камской воде — через турбины.

Впрочем, тогда ещё, в 1953 году, турбин не было, но Кама шла именно в те пролёты плотины, куда хотел её направить и направил человек!

Торжественным был момент, когда в апреле прошлого года были опущены все десять щитов первой очереди. Многие гидромонтажники в этот день явились на работу празднично одетыми, с орденами, полученными за доблестный труд на стройках гидростанций страны.

Река и в этот раз захотела показать свой нрав. Особенно неистово билась она о последний, десятый, щит. Но никого это уже не пугало. Облако сверкающих радугой брызг висело в воздухе. И чем яростней напирала вода, тем радостней становилось на сердце — такую силищу сумел народ поставить себе на службу!

Машины под водой

Мы идём по мосту плотины. Мимо, урча и сигналя, проносятся тяжеловесные самосвалы. Они доставляют строителям котлована второй очереди за каждый рейс от семи до десяти тонн жидкого бетона.

Вспыхивают голубоватыми звёздами огни электросварки — это ведётся монтаж металлоконструкций следующих секций главного здания плотины.

Легко и, кажется, совсем бесшумно поднимают и переносят тяжёлые грузы портальные краны.

Но где же размещаются турбины? До сих пор мы не видели самой станции. Где она? Ведь обычно плотина и станция — это две самостоятельные части гидроэнергетического сооружения. Цель плотины — поднять уровень воды, сдержать её напор, а в здании станции размещаются турбины, генераторы и всё управление электрохозяйством.

Однако сколько бы мы ни искали здесь отдельное здание станции, всё равно бы его не нашли. Станции не видно. Она — под водой.

Строители Камской ГЭС разместили турбины в самом теле плотины. Машинные залы и залы управления оказались под водой. Лишняя вода, которую сбрасывает плотина, свободно катится многотонной массой над потолком этих зал, стекает по наружной стене. Вода, вращающая машины, бушует где-то под полом.

Нашим юным читателям может быть непонятно, к чему понадобилось строителям совмещать плотину со станцией. Совмещение это почти вдвое сократило стоимость строительства и значительно ускорило его.

В отличие от других, ранее построенных станций, Камская ГЭС будет полностью автоматизированной. То, что полагается делать человеку, здесь будут выполнять автоматические приборы.

Работой всей громадной электростанции будет руководить всего один диспетчер, да два-три сменных слесаря будут «для порядка» похаживать вдоль длинных, светлых и тёплых подводных зал.

Здесь, на стройке, так много необычного, что глаза разбегаются.

Разве неинтересна, к примеру, конструкция шлюза? Он двойной, то есть без задержки может пропускать пароходы и лес в обе стороны. Кроме того, в отличие от других шлюзов, вода в его камеры не накачивается, а поступает самотёком. Стены шлюза сделаны целиком из нержавеющей стали. Дорого? Да, дорого. Но прочно. Мы строим не на день, не на год, а на столетия.

Самое значительное событие на стройке было 18 сентября прошлого года. В этот день заработали шесть турбин и шесть генераторов дали в сеть Молотовэнерго первый промышленный ток. Первая очередь Камской ГЭС вступила в строй.

Это был настоящий праздник.

Уже сейчас, при незавершённом строительстве, когда станция работает в одну четвёртую часть своей проектной мощности, стоимость киловатт-часа энергии в 2,5 раза дешевле, чем в системе Молотовэнерго.

Это понятно. Подавляющее большинство станций Молотовэнерго теплоэлектрические, построенные по принципу превра-

щения тепловой энергии топлива — угля, торфа — в электрическую. Но уголь и торф надо добывать, следовательно, в каждый киловатт-час, полученный на таких станциях, входит стоимость топлива. А гидроэлектростанция использует даровую энергию воды.

Пройдёт несколько лет — Камская ГЭС полностью окупит все затраты на свое строительство и будет давать промышленности и сельскому хозяйству Урала (в том числе и Свердловской области) самую дешёвую энергию.

Если уголь у нас образно называют хлебом промышленности, то электроэнергию можно сравнить с солнечным светом. Как без солнца и его живительного тепла не может существовать на земле ничто живое, так без электроэнергии не может существовать и развиваться наша промышленность, наша тяжелая индустрия. Энергия электричества приводит в действие станки, механизмы, машины, плавит сталь и цветные металлы, она бежит по жилам точнейших приборов и автоматических устройств, создает новые химические соединения и расщепляет атом.

...Остановимся у перил моста, соединяющего правобережную стенку плотины с котлованом второй очереди. Внизу, между бетонными быками, мчится пенистая вода, отдавшая свою силу турбинам. И хотя сейчас зима, Кама не замерзает ниже плотины на многие километры. Это происходит потому, что турбины используют и выбрасывают на поверхность реки донную воду, температура которой на четыре градуса ниже нуля. И никакой мороз не в силах сковать эту воду.

Вот в чём, оказывается, кроется разгадка того странного разговора юных рыболовов.

По незамерзающей части Камы, совсем как летом, от одного берега к другому курсирует катер с баржей. А вдалеке, покачиваясь на волнах, стоит заякоренная лодка. На лодке чернеют три фигуры. Конечно, это дядя Артём и два его юных приятеля.

На «тёплую» воду в этом году пришла с низовьев масса ершей и окуней. По тому, как энергично рыболовы взмахивают руками, заметно, что дело у них идёт неплохо. И если не на две, то во всяком случае на одну уху ребята сегодня наловят рыбы.

* * *

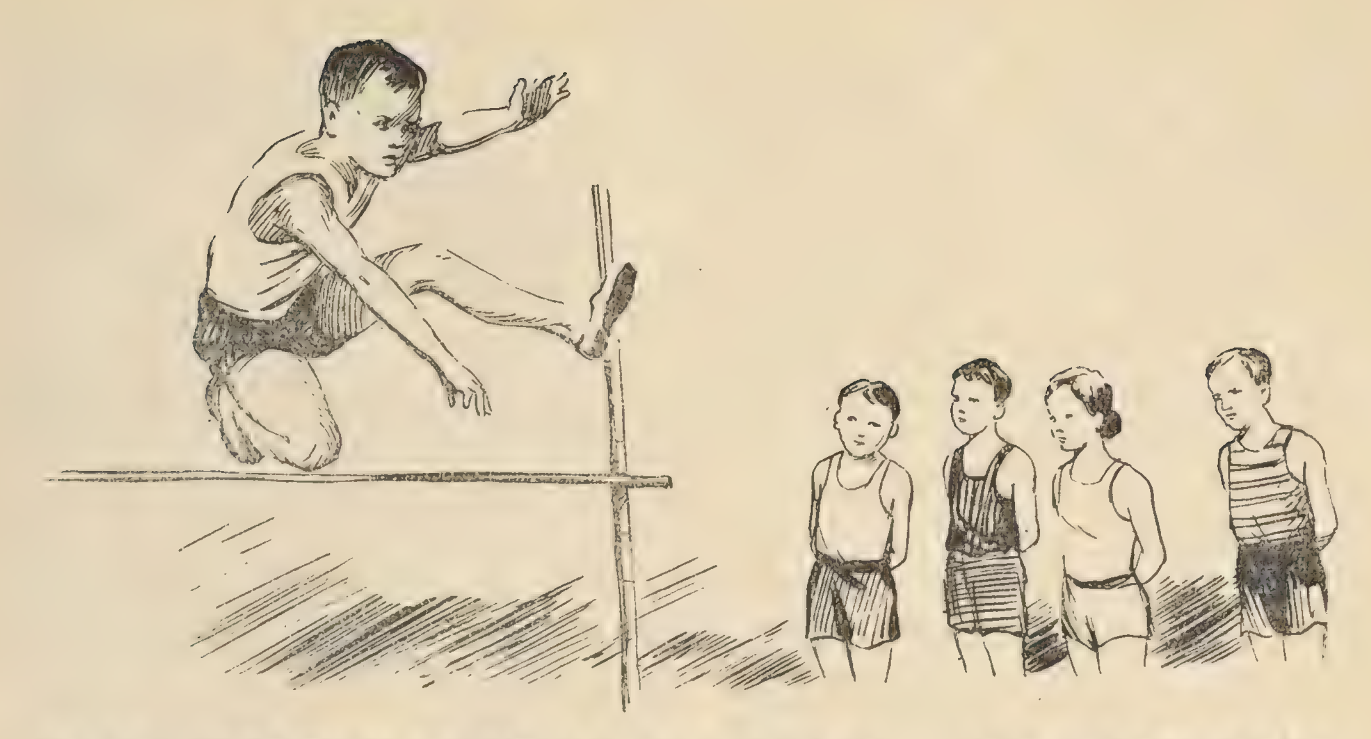
С пуском Камской ГЭС промышленные предприятия и города всего Урала получат огромное количество дополнительной электроэнергии — многие сотни тысяч киловатт-часов в год. Значение Камской ГЭС для Урала примерно такое же, как Днепрогэса для Украины. Уже сейчас на трассе протяжённостью свыше трёхсот километров идёт строительство высоковольтной линии электропередачи, которая свяжет новую станцию со Свердловском.

Камская ГЭС полностью вступит в строй в будущем году. Пройдёт ещё несколько лет, и даст промышленный ток другая камская гидроэлектростанция — Воткинская ГЭС.

Так, подчиняя себе природу, советский человек изменяет географию Родины.

Пройдут годы. Подрастут наши юные рыболовы — Колька и его приятель, подрастут тысячи ребят. И, наверное, многие из них станут замечательными строителями новых гидроэлектростанций, чтобы в избытке было в нашей стране света, тепла, колоссальной силы — всего того, что несёт в себе электричество.

...В сумерках тысячи огней озаряют стройку. Работы не прекращаются и ночью. Надо спешить, надо выполнить правительственное задание и в будущем году полностью закончить станцию. Это — желание каждого строителя.

РАСТИТЕ СИЛЬНЫМИ, ЛОВКИМИ, СМЕЛЫМИ!

Если ты любишь спорт, юный читатель, ты знаешь имена многих спортсменов, прославивших нашу Родину замечательными достижениями.

Ты гордишься их победами. Эти победы говорят о том, что наша молодёжь — самая ловкая, самая сильная, самая смелая в мире.

Наверное, тебе очень хочется вырасти таким же сильным, отважным, ловким. Но как добиться этого? Какие пути могут привести к спортивным победам.

Очерк о Лилии Назмутдиновой познакомит тебя с одним из таких путей: тебе помогут в детской спортивной школе. Только в одном Свердловске таких школ около десяти. Здесь работают самые опытные, самые лучшие в городе тренеры, которые помогают ребятам овладевать любимым видом спорта.

Скоро конец зиме. Не успеешь оглянуться — наступит лето, а с ним и долгожданные каникулы. Чем тебе лучше всего заняться, каким видом спорта?

Под руководством преподавателя физкультуры, вместе со своими друзьями-одноклассниками, любителями спорта, вы мо-

жете соорудить при школе хорошую футбольную, волейбольную и городошную площадки, проводить на них увлекательные соревнования. Разве нельзя состязаться в плавании, гребле на водной станции? Дело только за организаторами такого интересного и полезного отдыха.

Не забывайте и о том, как много можно сделать в собственном дворе. Вместе с товарищами соберите ребят-волейболистов или футболистов, создайте свою команду, проведите товарищескую встречу со школьниками соседнего двора. Ведь не секрет, что именно в таких командах получили свою первую спортивную закалку многие известные спортсмены.

Молодым крепким рукам дело всегда найдётся. Если ты и твои товарищи захотите, и в вашей школе пройдут увлекательные спортивные игры, соревнования, встречи.

Помни, что никакой тренер, никакая спортивная школа не сделают из тебя спортсмена, если у тебя не хватит силы для борьбы с трудностями.

Пусть не пугают тебя первые неудачи.

Пусть сегодня тебе ещё далеко до успеха. Упорство и настойчивость помогут победить.

ПЕРВАЯ В РЕСПУБЛИКЕ

Р. Щербаков

В детстве Лиля не отличалась крепким здоровьем. Её хрупкая, хиленькая фигурка часто заставляла родителей тревожиться. Врачи и преподаватели в школе не раз советовали девочке заняться спортом.

Лиле очень нравились ловкость, стройность, красота движений гимнастов, и она решила записаться в секцию художественной гимнастики детской спортивной школы Свердловского Дворца пионеров.

Руководитель секции Елизавета Алексеевна Облыгина на первых занятиях внимательно изучала новичка. Десятилетняя Лиля ничем не отличалась от других девочек. Никаких особых данных для занятия художественной гимнастикой у неё не обнаруживалось.

— Да, придётся много поработать,— отметила для себя Елизавета Алексеевна.

У девочки не был развит музыкальный слух. Стоило только коллективно начать под музыку упражнение со скакалкой, с

лентой, с обручем, как Лиля тотчас сбивалась, путала упражнения, и всё приходилось начинать сначала.

Художественная гимнастика требует немалой выносливости. Надо иметь очень крепкие ноги, хорошее сердце. Лиле плохо давались прыжки. Пришлось летом специально заниматься лёгкой атлетикой, плаванием, гребным спортом, чтобы укрепить мышцы ног.

— Два года и ...никаких надежд на улучшение! — вздыхала Елизавета Алексеевна.

— Лиля, а другие физкультурные кружки тебя не привлекают? — спросила она как-то.

Назмутдинова, опустив голову, промолчала. Потом повернулась и молча вышла.

«Обиделась. Ушла... и, видно, насовсем» — подумала воспитательница.

Но через несколько минут Лиля вошла в спортивный зал и как ни в чём не бывало начала с особым рвением повторять упражнение перед зеркалом. Она стала оставаться после занятий и самостоятельно отрабатывать упражнения.

Нелегко было Лиле. На учебно-тренировочные занятия нужно много времени, а ведь, кроме спорта, есть самое главное — учёба в школе. Она тщательно обдумала, как правильно распределить свой день. Оказалось, что при строгом режиме можно ещё успеть сходить в кино, погулять с подружками.

Упорный труд тренера и самой Лили, непрерывное совершенствование спортивного мастерства привели к победе. Тринадцатилетняя спортсменка выступила в состязаниях на первенство Свердловска по художественной гимнастике и выполнила первую разрядную норму. Успешно закончили соревнования и её подруги: Аида Климина, Зоя Устюгова, Мира Шадрина, Неля Корнева, Людмила Краева и другие.

Но Елизавета Алексеевна была недовольна:

— Вы должны упражнения выполнять ещё лучше: легко, непринуждённо, артистически выразительно,— учила она девушек и показывала три-четыре варианта одного и того же упражнения, подробно объясняла, как оно лучше смотрится, как надо увязывать движение с музыкой, и всё требовала лёгкости, лёгкости.

— Ах, как тяжело даётся мне эта лёгкость,— не раз говорила Лиля.

Но необычайное спортивное трудолюбие, упорство в достижении цели сделали Лилию Назмутдинову чемпионкой Свердловска, Российской Федерации и Советского Союза среди девушек.

Успешно она начала свои выступления и в состязаниях среди взрослых, сразу же завоевав почётное звание чемпионки РСФСР. В апреле 1954 года в соревнованиях на первенство Свердловска Назмутдинова получила четыре «десятки» — высшую оценку.

Абсолютная чемпионка Свердловска по художественной гимнастике набрала 59,35 балла из 60 возможных! Это очень высокий результат.

В 1954 году впервые введено звание мастера спорта СССР в художественной гимнастике. Ленинградскими спортсменами разработана специальная программа выступлений. Для того, чтобы стать мастером спорта, надо получить за выполнение уп-

ражнений этой программы 54 балла, то есть в каждом из шести упражнений в среднем оценка должна быть не ниже девяти баллов. В Ярославле проводились республиканские соревнования по новой программе. Свердловчанка Лилия Назмутдинова набрала 55,3 балла и первая в республике получила право на присвоение звания мастера спорта СССР по художественной гимнастике, завоевала почётное звание лучшей спортсменки Российской Федерации по этому виду спорта.

— Ты молодец! — поздравляли подруги.— Только подумать: лучшая в республике! Первый мастер спорта по художественной гимнастике!

— Подождите, скоро и вы этого добьётесь. А я, знаете, о чём мечтаю? Мне хочется стать такой же воспитательницей, как наша Елизавета Алексеевна. Ведь всеми своими успехами мы ей обязаны.

Лиля хорошо знала, сколько трудностей пришлось преодолеть тренеру Елизавете Алексеевне Облыгиной, чтобы вывести в чемпионы её, Миру Шадрину, Нелю Корневу, Зою Устюгову, Аиду Климину, Людмилу Краеву и других юных спортсменок, которые вот уже пять лет подряд обеспечивают команде Свердловска первенство в республиканских соревнованиях. И Лиля стала студенткой-отличницей техникума физкультуры.

С новым набором в секцию художественной гимнастики детской спортивной школы Дворца пионеров пришло 80 юных физкультурников. Среди них Роза Назмутдинова, совсем крошка. Но по тому, как она старательно выполняет каждое упражнение, чувствуется, что «крошка» желает быть такой же, как её старшая сестра. Старательностью, усердием отличается и Марина Бурцева. Она прямо заявила, что желает стать чемпионкой мира.

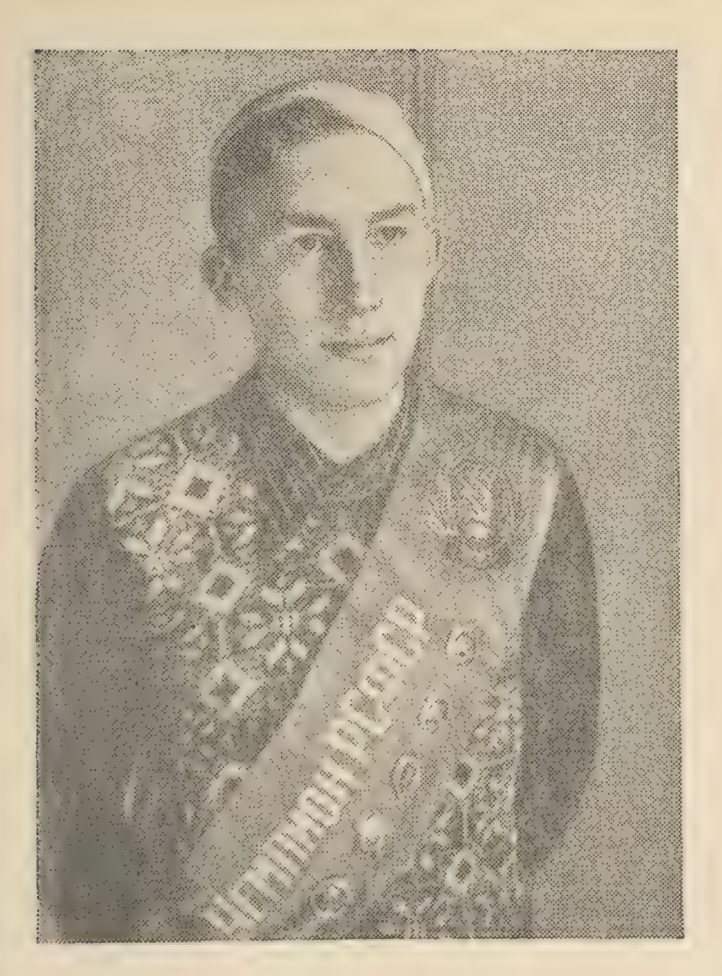
— Это хорошо! — улыбнувшись, сказала Елизавета Алексеевна.— Когда настойчиво добиваешься цели, то рано или поздно добьёшься своего!

И тренер вспомнила свою «трудную» воспитанницу, Лилию Назмутдинову, которая добилась своего. Ведь все условия для осуществления мечты имеются в нашей прекрасной стране.

Абсолютный чемпион СССР и рекордсмен мира по конькам
РИММА ЖУКОВА

Акварель Б. Семенова

МАСТЕР ГОРНОЛЫЖНОГО СПОРТА

Р. Щербаков

Хорошо отдохнуть в воскресенье за городом: покататься с гор, проложить лыжню среди молодых сосёнок!

С детства полюбил гористые окраины родного Свердловска Геннадий Чертищев. И летом и зимой Гену тянуло в лес. Поднимаясь в горы, он чувствовал в себе какой-то прилив сил, энергии и смелости.

Празднично выглядят Уктусские горы, когда на них проводятся состязания лыжников. Геннадий часами мог наблюдать за прыжками с большого уктусского трамплина. Затаив дыхание, он следил, как по воздуху, словно птица, с разведёнными в стороны руками пролетали лыжники. Мягкий хлопок лыжами о снег — и быстро увеличившаяся фигура лыжника стремглав проносится мимо.

Хотелось так же, как эти смелые люди, взмыть в небо или с головокружительной быстротой ринуться с горной кручи.

Гена решил во что бы то ни стало овладеть горнолыжным мастерством. Друзья посоветовали ему пойти учиться в Свердловский техникум физической культуры.

С нетерпением ждал Геннадий выхода из учебного класса на лыжи. Тренировки проводил преподаватель Афанасий Борисович Портнов. Его опытный глаз подмечал малейшие недостатки:

— Не та посадка корпуса. Лыжи должны быть параллельны, рисунок поворота на снегу должен быть вот таким...— и Афанасий Борисович долго разбирал следы от лыж на повороте и стремился, чтобы воспитанники поняли причину неправильного поворота, сознательно в процессе тренировки ликвидировали недостатки.

Первая проба сил Геннадия была во всесоюзных состязаниях на первенство техникумов физкультуры. Чертищев был неплохо подготовлен, но среди горнолыжников занял лишь десятое место. При спуске с горы он успешно прошёл все «ворота» из флажков, но скорость спуска была мала — плохо скользили лыжи.

Геннадий понял свою ошибку: на занятиях подробно объяснялось, как пользоваться лыжными мазями, были практические занятия, но этому, казалось, скучному занятию он, да и некоторые другие учащиеся, не придали большого значения. Вот сами себя и подвели.

Смазка лыж — это не простое дело. Оказалось, что Афанасий Борисович Портнов несколько лет работает над изучением состава мазей и создаёт новые рецепты.

Когда Геннадий научился правильно смазывать лыжи в зависимости от температуры воздуха, скорость спуска значительно возросла. Лыжи несли во всю! Но... опять беда: на большой скорости не получались повороты, часто проносило мимо флажков, расставленных на склоне горы.

Не одна зима ушла на то, чтобы овладеть спортивным мастерством. Порой лыжи Чертищева до земли соскребали снег на слаломной горе в Уктусе, прежде чем он шёл отдохнуть на лыжную базу. Упорство и настойчивость в достижении цели привели молодого спортсмена к успеху. Геннадий Чертищев стал лучшим горнолыжником Свердловска и вскоре завоевал алую ленту и призы чемпиона Российской Федерации.

Свердловский городской комитет физкультуры и спорта направил Геннадия Чертищева на учебно-тренировочные сборы

на Кавказ. Любопытство прохожих, их улыбки смущали юношу, когда он летом по раскалённому солнцем асфальту двигался с лыжами и вещевым мешком за плечами по улицам Свердловска на вокзал.

Кавказ. Зажатая между гор Домбайская долина, белые палатки. Это — лагерь. Здесь участники сбора тренировались под руководством опытного специалиста, чемпиона страны по горнолыжному спорту, Дмитрия Ефимовича Ростовцева.

Зарядка. Лёгкий завтрак — и горнолыжники Сергей Шустов, Геннадий Чертищев, Алла Васильева, Николай Петраченков и другие поднимаются в горы через густой лес громадных елей и буков, через альпийские луга, мимо шумных горных рек к снежным вершинам. Надо успеть подняться в горы до того, как солнце размягчит снег и ухудшит скольжение.

Летние тренировки позволили всем членам сбора отлично подготовиться к спортивной зиме. В горах Заилийского Алатау, недалеко от столицы Казахстана Алма-Аты, был поднят флаг соревнований на первенство Советского Союза. На старте — Чертищев. Вот он начинает скоростной спуск, отличающийся от слалома тем, что при спуске с высокой горы трасса определяется не флажками, а естественными препятствиями — оврагами, каменными глыбами, деревьями и т. д. Это обстоятельство требует от лыжника большого хладнокровия, смелости, уверенности в своих силах. Спуск Геннадий закончил успешно. Друзья спешат его поздравить: Чертищев занял третье место, выполнив норму мастера спорта. Вторые места он занял в большом слаломе и в горном двоебории, трижды подтвердив высокое звание мастера спорта.

...В театральном зале Свердловского Дома офицеров проходило заседание комсомольского и физкультурного актива. Обсуждалась подготовка к зимнему спортивному сезону. После этого демонстрировались спортивные кинофильмы.

На экране — зимний пейзаж. Живописное местечко близ Алма-Аты. Сюда собрались сильнейшие горнолыжники страны, чтобы разыграть в упорной борьбе звание чемпиона страны. Один за другим мчатся лыжники. Диктор поясняет:

— Горнолыжный спорт — спорт смелых и отважных. Скорость лыжника, мчащегося по склону горы, местами достигает

100 километров в час! При этом виртуозно управлять лыжами может далеко не каждый. Часами неутомимо взбираться на лыжах по склону горы, чтобы в минуту-две скатиться вниз, может только человек волевой, настойчивый и смелый.

На экране крупным планом появляется лицо знакомого лыжника.

— Да ведь это же наш свердловчанин, Чертищев! — раздались восклицания в зрительном зале.

Свердловчане гордятся своим земляком. Если понадобится, такой спортсмен легко преодолеет горные перевалы, спуски в долины, сможет точно и в срок выполнить любой приказ командира — приказ Родины.

Геннадий Чертищев отлично понимает, что для дальнейших успехов нужна более разносторонняя физическая подготовка.

Для того, чтобы повысить свою общую физическую подготовленность, Геннадий летом играл в футбол, волейбол, занимался лёгкой атлетикой, водным спортом.

В марте 1954 года на живописных склонах Заилийского Ала-тау снова запестрели красные и синие флажки, замелькали фигурки лыжников. В традиционных состязаниях на первенство страны снова принял участие Геннадий Чертищев. Несмотря на то, что в этом году трассу скоростного спуска значительно усложнили, он чувствовал себя уверенно. Всесторонняя подготовка должна была помочь в острой спортивной борьбе с сильнейшими горнолыжниками страны.

Настала очередь Геннадия начать спуск. Он ещё раз прикинул, как лучше распределить силы. От старта до финиша 2350 метров. На пути встречаются три канавы и пять горок.

И хотя бугры эти невелики, 40—50 сантиметров, но при большой скорости спортсмена они превращаются в трамплин, выбрасывающий лыжника на 20—25 метров вперёд. Летишь по воздуху, а потом надо сразу же делать поворот.

Вот тут-то и пригодилась всесторонняя подготовка. Геннадий Чертищев преодолел трассу быстрее всех — за 1 минуту 50,8 секунды — и завоевал золотую медаль чемпиона Советского Союза.

С победой вернулся в родной Свердловск Геннадий Чертищев. Он ни на один день не прекратил тренировки, чтобы в новом году удержать звание сильнейшего горнолыжника страны.

Тайна партизанского стана

С. Наумов *Рисунки П. Никулина*

На широкой деревенской улице дрались петухи. Осанистый, чёрный, с рыжими подпалинами петух неистово хлопал крыльями и беспрестанно наскакивал на белого, низкорослого.

— Кыш, кыш, вы, я вот вас...

Мальчуган в красной майке взмахнул над петухами удилищем, которое он нёс на плече.

— Петруха, привет!

Мальчуган обернулся. По дороге, поднимая клубы лёгкой пыли, мчался Колька Соломин. Большая, настоящая бескозырка, подарок брата, болталась на его стриженой голове, а чёрные ленточки с золотыми якорями спускались до пояса.

— Налима ловить? — кивнул он на удилище.

— Есть дела поважней,— солидно ответил Петруха. Коля часто замигал огромными светлоголубыми глазами:

— А на кружок придёшь сегодня? Скоро партизанский стан искать пойдём. Дина Ивановна говорила, чтобы ты обязательно...

Петруха сверкнул исподлобья чёрными глазами и пробормотал:

— Приду, если... это... как его. Ну, в общем, могу задержаться.

Коля Соломин удивлённо уставился на друга.

— Ты чего это, Петька, а? Ранеток объелся, что ли?

Петруха приложил палец к губам и быстро посмотрел по сторонам.

— Открытие хочу сделать, понимаешь? Сказать не могу — тайна.

— Так мне-то, как другу, можно?

— Нет, нельзя, это... настоящее открытие.

— А ну тебя,— Коля досадливо махнул рукой,— тайна, открытие. В пятый перешёл, так, думаешь, сразу и открытие сделал?

— Сделаю,— упрямо мотнул головой Петруха и пошёл через улицу. Он торопился домой.

Ещё зимой Дина Ивановна рассказала ребятам историю о партизанском шалаше. Когда во-время Великой Отечественной войны в Смоленских лесах появились первые народные мстители, шалаш служил им временным жилищем. Потом в нём был устроен медпункт. Но после того, как там неизвестно кем был убит раненый комиссар Горизонтов, шалаш забросили.

Зимой Петя Птушкин с радостью принял предложение учительницы после экзаменов отправиться в поход и найти партизанский стан. Но это было зимой, а сейчас лето, и к тому же Петя не сделал еще ни одного открытия. Он один найдет шалаш! Откуда же начать поиски? Сначала нужно составить маршрут, так делали все знаменитые путешественники. Потом захватить с собой мешок сухарей, перочинный ножик и фонарик. Жаль, компаса нет. Впрочем, зачем ему компас, когда он знает весь лес, как свои пять пальцев, до самого Заячьего лога?

Итак, он пойдёт к Заячьему логу, потом вдоль него до речки Баганки и оттуда в село. Из дома выйдет сегодня ровно в двенадцать и успеет вернуться к заседанию исторического кружка.

На кружке Петрушка сядет в сторонке и послушает, как все будут спорить, где искать шалаш, а потом возьмёт и неожиданно скажет:

— Зачем его искать, когда он уже найден?

— Кем? — закричат ребята, а белобрысая Нюрка Цупикова зажмёт рот ладонью, как она всегда делает, когда смеётся. Тогда Петя скажет спокойно и строго: «Партизанский стан открыт мной сегодня в 00 часов по местному времени».

И все удивятся его храбрости и следопытскому нюху, а Валька Кочетков перестанет задираться и примет в сборную футбольную команду школы...

...Узенькая тропинка бежит между высокими соснами. Горько пахнет листвой и хвоёй. Из травы то тут, то там выглядывают пушистые головки одуванчиков, белые с жёлтой серединкой венчики ромашек. Воздух наполнен тысячами разных звуков: звонких, визгливых, жужжащих, пронзительных. Хорошо летом в лесу!

Петя бодро вышагивает по тропинке, мешочек с сухарями болтается на спине.

Всё ему тут знакомо: и эта обожжённая молнией сиротинка-берёзка, неизвестно как попавшая в сосняк, и этот высокий толстый пень, который ночью можно принять за притаившегося медведя, и каждый кустик малинника и смородины, и солнечные пригорки с земляникой, и хвойные чащи, и мягкие пружинистые кочки, обильно заросшие клюквой.

Следопыт не заметил, как дошёл до Заячьего лога. Лес здесь круто обрывался, обрыв переходил в покатый спуск. На дне лога журчал ручей, над ним по обеим сторонам щетинился ельник.

Мальчик знал, что зимой здесь зайцев видимо-невидимо, из-за этого и лог прозвали заячьим, сейчас же в нём делать было нечего, разве что напиться прозрачной родниковой воды. Но в походе пить много нельзя, и Петя с сожалением сворачивает вправо. Внимательно вглядываясь в просветы между деревьями, он чувствует себя настоящим первооткрывателем. В тихом

ропоте леса ему чудятся подбадривающие голоса: — Молодец мылыш-ш-ш, ты отыщ-щ-еш-шь ш-шалаш-ш-ш...

Чем дальше уходил мальчик от лога, тем более диким становился лес. Древние великаны-сосны надменно рассматривали маленького путешественника и кивали своими пышными макушками. Стали встречаться буреломы, гниющие много лет, заросшие густыми раскидистыми травами. А Петя всё шёл и шёл. По его предположению скоро должна была показаться Баганка. Хотелось пить. Зря всё-таки он не напился из ручья и фляжку дома забыл, а всё потому, что торопился, как бы не вернулась мать. А что мать не пустила бы его одного в такое путешествие, Петя знал точно.

Мальчуган облизнул пересохшие губы. Ничего, скоро речка, там воды много, правда, она пахнет болотом, зато можно выкупаться. И шалаш наверняка близко.

«Стали бы партизаны далеко от воды его строить. Как бы не так! — размышлял Петя.— Попить захотел — беги за три километра. А если погоня, облава с учёными собаками? В лесу сразу найдут, в речке хоть с какими собаками — ни за что».

Мальчик вышел на просторную поляну и зажмурился. Сколько здесь было ягод! Крупная, сочная земляника сама просилась в рот, её было так много, что Петя не выдержал, присел на корточки, то и дело отправляя в рот крупные, прохладные ягодины. Мальчик забыл, зачём он пришёл в лес, его охватил азарт, он быстро набрал полную кепку, потом развязал мешок и стал собирать ягоды в него, рассовав сухари по карманам. Эта поляна была просто каким-то ягодным царством! «Эх, бабушкину бы корзину сюда»,— подумал Петя. Прошло немало времени. Солнце скатилось за горизонт и оставило на небе пурпурный расплывчатый лёд. С запада медленно плыли тяжёлые клубы облаков. Петя взглянул вокруг.

«Неужели уже вечер? Мамка рассердится, что так долго. А шалаш?!» Большой, пузатый овод стукнулся о Петин лоб и, сердито жикнув, отлетел в сторону. «Больше не буду»,— решил Петя, на-

гнулся, чтобы сорвать последнюю ягоду и... вдруг навстречу ему из травы поднялась, слегка покачиваясь, плоская треугольная головка с двумя глубоко посаженными холодными глазами. Чёрная зубчатая полоска ярко выделялась на тёмносерой спине.

Петю обдало жаром. Гадюка разозлена тем, что мальчуган потревожил её покой и чуть не наступил на хвост.

С полминуты змея и мальчик смотрели друг на друга, потом по всему телу гадюки прошла волна. Змея готовилась укусить. Петя понял это, отпрянул в сторону, схватил с земли старую ссохшуюся коряжину и ударил со всего маха. Кажется, он попал. Змея вильнула в сторону и быстро поползла прочь. Мальчик, словно мстя за свой первоначальный испуг, долго колотил толстым концом коряжины по зарослям, в которых исчезла гадюка.

Закат погас неожиданно. Как-то сразу на лес нахлынула густая темнота. Стало тихо. Лишь изредка, кем-то потревоженная, вскрикнет сонная птица. Со всех сторон Петю обступали какие-то смутные шорохи, вздохи, всхлипы. Мурашки побежали по спине мальчика, и ему захотелось плакать. «Зря я один пошёл,— мелькнуло в голове,— был бы сейчас здесь Колька».

Шуршащий разговор деревьев стал сердитым:

— Уходи мальчиш-ш-ка, унос-с-и с-свою голову.

— Мама! — крикнул Петя, сел на землю и заплакал.

Он плакал долго, грязными ладонями размазывая слёзы по лицу, потом вскочил и побежал, не разбирая дороги, сам не зная куда. Сухие ветки хватали его за рубашку, целились в глаза, оголённые корневища, как змеи, обвивали ноги. Так бежал он, пока не споткнулся. Петя упал, больно ударился, потом вскочил и от изумления вскрикнул: прямо перед ним в полумраке вырисовывался огромный силуэт шалаша. Мальчик потёр глаза — нет, шалаш не исчезал. Тогда он вспомнил о фонарике и зажёг его. Луч заскользил по земле и наткнулся на прочно вбитый колышек. Это об него споткнулся Петя. Рядом с колышком валялась сорванная ударом ноги фанерка. Петя поднял её и прочёл: «заминировано». Сердце мальчугана замерло. «Вот он, партизанский стан!».

И сейчас же из насмерть перепуганного парнишки Петя Птушкин снова превратился в храброго исследователя и не-

обыкновенного следопыта. «Он нашёл шалаш, он! Как жалко, что нельзя сейчас же побежать домой и рассказать ребятам! Но ничего, теперь ему не страшен лес, он переночует в самом настоящем партизанском шалаше, а утром отыщет дорогу в село».

Мальчуган посмотрел на фанерку и ещё раз прочитал надпись.

«А вдруг здесь мины вокруг? Шагнёшь, а оно бабахнет»,— подумал он.

Но любопытство победило опасения.

Петя на цыпочках приблизился к шалашу и увидел, что дверь, сделанная, видимо, из большой оконной рамы, распахнута, солома, когда-то служившая настилом, истлела под дождями, и теперь были видны голые, ничем неприкрытые, поблескивающие в свете фонарика жерди.

Внутри не было ничего примечательного. В одном углу какое-то углубление, в рост человека, заваленное хрупкими, десятилетней давности, листьями, в другом — посеревшие от времени самодельные сани-волокуши.

Петя разочарованно вздохнул и погасил фонарик. Но радостное настроение не покидало его. Пусть он не нашёл здесь нагана, как мечтал, зато обнаружил фанерку с надписью «заминировано» и сани, на которых партизаны, наверное, возили раненых.

Мальчик сел на громко захрустевшие листья и зевнул. Хотелось есть и спать. Но спать хотелось больше. Петя вспомнил, что мешок с ягодами и фуражку он оставил на поляне, от огорчения посопел носом, но подумал: «Завтра найду, никто не съест». Повернулся на бок и закрыл глаза.

Что-то мешало ему заснуть. Он долго ворочался, устраиваясь поудобнее, и, наконец, сел. В углублении был какой-то выступ, и как ни ложился Петя, под боком обязательно оказывался бугорок.

Тогда он расшвырял листья и зажёг фонарик. Бугорок оказался кожаной полевой сумкой. Сон пропал. Ещё одна находка! Петя дрожащими от возбуждения руками раскрыл сумку и вытащил несколько твёрдых, как камень, ржаных сухарей. Мальчик с досадой отложил свою находку. И не мог же вместо

сухарей оказаться в ней пистолет или, на худой конец, обойма с патронами!

Петя собирался уже снова прилечь, как вдруг заметил на внутренней стороне сумки какие-то странные, кривые, расплывчатые буквы, начертанные химическим карандашом. Мальчуган нагнулся и при слабом свете фонарика прочёл:

«Фёдор Зубов гестаповец».

Мальчик почувствовал, как у него начинают от ужаса шевелиться волосы. От записи пахнуло холодом смерти, чёрным предательством. Фантазия мальчугана быстро нарисовала жуткую картину. К одинокому тяжело раненному комиссару Горизонтову вползает, как змея, убийца по фамилии Зубов. Он наносит комиссару несколько ударов ножом и бесшумно выбирается из шалаша. Умирающий от потери крови комиссар, очнувшись, выводит из последних сил огрызком карандаша на сумке имя убийцы, тайного врага партизан, зная, что кожа сумки сохранит запись. Может быть, боясь, что Зубов вернётся обыскать его, комиссар спрятал сумку под листья. Он надеялся, смелый комиссар Горизонтов, что если не партизаны, то кто-нибудь свой, советский, рано или поздно обнаружит сумку и прочтёт запись.

Вернувшись, партизаны нашли своего комиссара, но не нашли сумки, они, должно быть, очень торопились и поэтому не успели тщательно обшарить все уголки...

А кто такой Зубов? Где он сейчас? Знает ли его кто-нибудь из оставшихся в живых партизан? А может быть, этот человек свободно ходит сегодня по советской земле, затаился, чтобы снова убивать, вредить, шпионить? Сумка жгла мальчику руки. Петя встал, перекинул её через плечо и поспешно выбрался из шалаша. Теперь ему казалось, что за каждым деревом скрываются враги, в каждом шорохе он слышал шаги людей.

Петя выбежал на узенькую, ранее неизвестную ему просеку и замер. Ему показалось, что в самом конце просеки мелькнул огонёк. «Что это? Волк? Избушка?» Сразу припомнились все страшные сказки про ведьм и леших. И хотя Петя хорошо знал, что никаких леших нет, ему стало не по себе. Он достал

перочинный ножик и открыл самое большое лезвие. Какое ни на есть, а всё-таки оружие. Впервые в жизни он испытал чувство человека, который с оружием в руках готов защищать свою жизнь.

Это немного приободрило его.

«Эх, нет ружья»,— подумал мальчуган и впился глазами в темноту. Там опять золотой искоркой сверкнул огонёк. Он притягивал, как магнит, и в то же время настораживал. «Что там?».

Когда Петя подошёл совсем близко к избушке, он сразу вспомнил рассказы взрослых о странном лесничем, живущем бобылем в чащобе.

В ставню сквозь щель бил желтоватый свет.

«Постучу»,— решил Петя, но что-то удерживало его. Петя провёл рукой по гладкой, словно полированной, поверхности двери и закрыл глаза.

Столько испытаний выпало сегодня на его долю, столько страшных минут пришлось пережить, что сейчас у тёплой, накалённой за день солнцем двери он вдруг уткнулся лицом в рукав и заплакал по-детски, громко, взахлёб.

— Кто там? — послышался из-за двери хрипловатый грубый голос.

— Это я, Птушкин,— растерявшись, ответил мальчик и торопливо, боясь, что ему не откроют, заговорил:

— Заблудился я, дяденька... шалаш искал... пионер я.

Дверь открылась, и Петю с ног до головы облил яркий свет десятилинейной лампы. Он зажмурился.

— Эге, да ты малыш! Не птушка, а пташка. Ну, проходь в хату, гостем будешь,— прогудел над самой головой насмешливый бас.

Петя шагнул за порог и облегчённо вздохнул: таким теплом и уютом повеяло на него от крохотной, скромно обставленной комнатки лесничего.

— Смотрите, люди добрые, бесстрашный какой человечек,— опять загудел лесничий и подтолкнул Петю к столу,— садись-ка да рассказывай, что в лесу ночью делал. Страшно, небось, ночью в лесу-то?

— Страшно... дядя...

— Степан,— подсказал лесник.

— Дядя Степан,— повторил Петя.

— А коль страшно, зачем бродишь? Заблудился, что ль?

— Ага,— ответил мальчуган, с интересом разглядывая большую фотографию на стене. С фото на него смотрел бородатый человек в шапке-ушанке с красной лентой и автоматом на груди. Прямо на бушлат привинчен орден Красной Звезды.

— Это вы, дядя Степан?

— Угадал,— добродушно усмехнулся лесник.

— Это вы, когда были партизан?

— Опять угадал, Пташкин,— рассмеялся Степан Лукич.

— А вы знаете, где партизанский стан находится?

Петя затаил дыхание. Лицо лесника погрустнело.

— Знаю, Птаха, знаю. Ну, а теперь вопросы отставить,— будем ужинать. Ты, поди, голодный?

Он достал из печи щи, нарезал на полотенце с вышитыми петухами хлеб, принёс из сеней крынку молока, кружку и поставил всё это перед Петей.

— Ешь, пташка заблудшая.

Петя, обжигаясь и давясь, ел пахнущие чесноком щи и продолжал говорить.

— А я думал, вы не знаете... думал, я первый.

— Как не знать, Петруша, сколько я в этом шалаше ночей проспал, один он только и знает. Давно я в нём не был, объезд совершаю, мимо еду, а зайти не хочется. Эх-хе-хе!

— А почему, дядя Степан?

— Мал ты, Петруха, не поймёшь, ну, ну, сказывай дальше, следопыт, как шалаш-то нашёл?

— Споткнулся... смотрю, а на земле фанерка и на ней написано «заминировано». Тут я сразу догадался: это и есть партизанский стан.

— А как ты прочитал-то? Темно же.

— У меня фонарь, кто же в путешествие без фонаря ходит?

— Ишь ты,— ласково улыбнулся лесник.

— Потом я сумку полевую нашёл в листьях и, знаете, дядя Степан, тайну открыл. Я знаю теперь, кто убил комиссара.

— Что!? — Лесничий привскочил на месте и схватил мальчика за плечо.— Что ты мелешь? Какую сумку?

Петя подал находку. Степан Лукин быстро пробежал глазами написанное. Лицо его исказила страдальческая гримаса, он сжал в руках сумку так, что побелели косточки суставов, и тихо протяжно сказал:

— Вон оно что... значит, Фёдор Зубов... ах ты, мерзавец, кулацкий сын.

— Дядя,— робко позвал Петя.

Степан Лукич вздрогнул, потёр двумя пальцами висок и положил свою костистую, тяжёлую руку мальчику на плечо.

— Спасибо тебе, Пётр, большое спасибо, товарищ Пташкин.

У Пети гулко застучало сердце.

Степан Лукич снова прищурился и, больше для себя, негромко сказал:

— Ах ты... шкура гестаповская... Нужно ехать... не спугнуть бы...

Лесничий нежно погладил сумку и с дрожью в голосе произнёс:

— Максим Тимофеевич, родной ты наш комиссар, вот когда ещё раз довелось с тобой встретиться...

Старый партизан смахнул слезу.

— Ну ж, погоди, вражина подлая... теперь не уйдёшь. Вот что, Петруша,— обратился он к мальчику.— Слушай боевое задание. Я сейчас оседлаю Кучума и поскачу в город, по дороге заверну к твоей матери, объясню, где ты, чтоб не волновалась. Тебе оставаться на посту при закрытых дверях и спать. Ясно? Никого не впускать, никому не отвечать до моего возвращения, понял?

— Понял, дядя Степан,— ответил, невольно вытягиваясь, Петя.— А вопрос можно?

— Можно,— серьёзно отозвался лесничий, снимая со стены ружьё. Петя шумно выдохнул воздух.

— Зубов... этот... он живой? Где он?

Степан Лукич ответил не сразу. Он смотрел в стволы на свет, думая о чём-то своём, потом щелкнул замком и ответил:

— Жива та змея, Петруша, а живая змея всегда ужалить может. Зубов «партизанил» вместе с нами несколько месяцев до прихода Советской Армии, подобрали мы его в лесу. Представился этот тип бежавшим из плена командиром, партбилет, зашитый в стёганку, при себе имел, ну и поверили — сумел волк козлёнком представиться. Только наш комиссар Максим Тимофеевич Горизонтов на него подозрение имел. Когда комиссара в одном бою ранило осколком мины в грудь, а нам нужно было идти в рейд, он приказал Зубова с собой не брать, а оставить в деревне как бы связным. Опасался комиссар Зубова, чуяло его сердце, что не наш он, и вот...

Сейчас Зубов работает ветеринаром в соседнем районе. Только ветеринар-то он, видно, для маскировки. Не знал я этого, Петруша, до твоего прихода.— Степан Лукич перекинул через плечо ружьё и надвинул на лоб защитную фуражку с вмятиной от звёздочки.

— Ну, Пётр, доскажу потом, а сейчас нужно за ночь доскакать до города. Закрой за мной дверь и помни приказ. Пошли.

Процокали копыта, и опять стало тихо-тихо в лесу. Петрушка долго стоял в сенях, хмуря рыжие полоски-брови. «Теперь та змея не ужалит»,— думал он.

Военный человек

Лев Сорокин

Рисунки В. Васильева

Солнышко сверкает,
Хрустит блестящий снег.
По улице шагает
Военный человек.

Он, расправляя плечи,
«Под козырёк» берёт:
Пускай ему навстречу
Сам генерал идёт!

Не будет замечаний,
Хоть это не пустяк —
Отлично отчеканить
По-строевому шаг.

Недаром на параде
Бывал три раза он...

Горит и в снегопаде
Огонь его погон.

Пусть ростом он с мальчишек —
Он к званью
подрастёт!
И следом шёпот слышен:
— Суворовец идёт!

Б. Ярочкин **_Рисунки А. Немирова_**

Уходя в выходной на охоту, старший лейтенант Кузьмичёв явился к дежурному по части.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться! — сказал он.

— Пожалуйста! — ответил капитан.

— Скажите, в какую сторону пошли наши охотники? — и, поясняя свой вопрос, добавил: — Не хочется никому мешать да и самому зря ходить.

— Идите в любую сторону, вам никто не помешает,— улыбнулся капитан.— Вы сегодня первый. Только далеко не забирайтесь: прогноз неблагоприятный.

— Слушаюсь! — весело ответил старший лейтенант.— Я буду у Тёплого ключа. Разрешите идти?

— Ни пуха, ни пера! — напутствуя, взял под козырёк капитан.

Стоял хмурый зимний день.

Тучи нависли над островом. С Охотского моря дул холодный ветер, курились лёгкой позёмкой покрытые снегом сопки и холмы. Нигде никого. Только изредка попадается старый, запорошенный след лисы, да над морем, крича, летают буревестники.

Старший лейтенант идёт быстрым, широким шагом. Он низкого роста, щупл, узкоплеч. Его тёмные, широко открытые гла-

за на узком бледном лице кажутся огромными, а чёрные, чуть приподнятые брови придают лицу удивлённое выражение.

От долгой ходьбы он устал и вспотел, но Тёплый ключ уже рядом, его хорошо видно с сопки. Кузьмичёв останавливается и смотрит в бинокль. Ручей, начинаясь у подножья скалы, извиваясь среди камней, бежит к морю. Но ни в устье ручья, ни на плёсе уток не видно.

«Ничего,— успокаивает себя Кузьмичёв,— прилетят!»

Он спускается с сопки и подходит к плёсу — обычному месту кормёжки уток. Вырыв в снегу яму, затаивается в ней. Проходит час, другой, а уток нет. Мёрзнут в резиновых сапогах ноги, хотя на них шерстяные носки и тёплые байковые портянки. Зябнут в варежках руки. Тело пробирает озноб.

«Наверно, не прилетят,— вздыхает старший лейтенант,— зря сижу».

Немного подождав, он вылезает из укрытия, отряхивает с маскировочного халата и шинели снег и, раздумывая, стоит у плёса.

Скоро полдень, а до следующего ручья далеко.

«Домой»,— решает Кузьмичёв.

Усиливался ветер, крепчал мороз. Кузьмичёв шёл не спеша, сердитый из-за неудавшейся охоты.

Но вот в зарослях березняка мелькнула рыжей шубой лиса. Старший лейтенант приседает, прячась за камень, и следит за зверьком, но тот спокойной трусцой бежит мимо. А стрелять нельзя — мешают кусты.

«Может, повернёт на меня»? — мелькает у охотника обнадёживающая мысль, но нет, лиса уходит дальше. Идёт следом за ней и Кузьмичёв. Вот лиса, обойдя сопку, спустилась в распадок, потом мелькнула среди запорошенных снегом зубчатых обломков скал, прошла, оглядываясь, редким березняком, поднялась на увал, с минуту постояла, как бы раздумывая, куда идти, и скрылась в зарослях кедрача.

«Сейчас к бухте повернёт,— думает старший лейтенант,— впереди и слева скалы, там ей делать нечего — нет корма. Надо успеть перехватить её!»

И он спешит наперерез.

Продираясь через перепутанный кедрач, Кузьмичёв внезапно останавливается. Он смотрит на полузанесённые снегом следы от резиновых сапог, и в его глазах появляется недоумение.

«Странно,— думает он, приседая и изучая след,— недавно кто-то прошёл. Но кто? Дежурный по части говорил, что на охоту я отправился первый, значит, наших здесь не должно быть. Если б и собрался кто, так капитан сказал бы, что я в этом районе, и сюда бы не направились».

Старший лейтенант сравнивает найденный след со своим. Сапоги одинаковые. «Человек моего роста,— приходит он к заключению,— но тяжелее меня — его след намного глубже. А из наших охотников никто не носит такие маленькие сапоги...»

Кузьмичёв внимательно осматривает местность в бинокль, но никого не обнаруживает и решает по следу незнакомца спуститься в бухту. След идёт с побережья среди россыпи каменных глыб через заросли кедрача, березняк, спускается в распадок, местами уже занесённый позёмкой, подходит к маленькому ручейку и пропадает в нём.

«Ого! — закрадывается в сознание старшего лейтенанта подозрение.— Охотник прячет свои следы. От кого же?»

Кузьмичёв тщательно застёгивает белый маскировочный халат, опускает капюшон и, пригибаясь, берегом ручейка движется к морю. Нигде больше не находит он следов, только в устье, на берегу океана, среди огромных камней виднеется на песке полусмытая морской волной бороздка.

«Шлюпка была. Утром,— размышляет старший лейтенант,— это бороздка от киля осталась. Да-а-а, из-за моря «охотник» приплыл... Хитрый... Но и мы не лыком шиты!»

Решение приходит мгновенно: эту «лису» упускать нельзя!

Кузьмичёв вытаскивает из кармана шинели широкий бинт, имеющийся у него всегда на всякий случай, обматывает им для маскировки свои сапоги и идёт по ручейку вверх.

Следы ведут через остров, «охотник» явно избегал открытых мест.

«Не первый раз он в этих местах, знает остров,— думает старший лейтенант,— к старым японским дотам направился».

Вдруг шагах в тридцати пяти среди камней зашевелилось

что-то. Старший лейтенант припадает к снегу и одновременно подаёт вперёд двухствольное ружьё, заряжённое картечью. Пуль у него с собой нет.

Сердце отчаянно стучит, щёки Кузьмичёва загораются румянцем, слезятся глаза — это остервенелые порывы ветра пригоршнями бросают в его лицо позёмку. Стрелять старший лейтенант не спешит. «Нужно доставить «охотника» в часть живым,— приказывает себе Кузьмичёв,— стрелять в крайнем случае!» — и он, приминая локтями снег, по-пластунски ползёт к камням.

Приблизившись к ним на десяток метров, старший лейтенант мгновенно вскакивает и, вскидывая ружьё, ищет взором врага, собираясь крикнуть: «Руки вверх!» — но... врага нет, а перед ним стоит оцепеневшая от неожиданности лиса.

— Чтоб ты провалилась, окаянная! — шепчет с досадой Кузьмичёв, опуская ружье, и с сожалением смотрит на уходящую к Охотскому морю добычу.

Старший лейтенант смотрит на изрытый снег среди камней, где «мышковала» лиса, потом его взгляд падает на ружье, и только теперь он думает о риске, на какой пошёл. Но что делать?

«Идти в часть за подмогой нельзя: следы «охотника» может совсем занести снегом да и не успеешь — вечер близко,— рассуждает он.— Оставаться с охотничьим ружьём против хорошо вооружённого, разумеется, врага?.. Опасно, но выхода нет... Что ж, придется брать его хитростью».

Дальше идти по следам старший лейтенант не решается — доты близко и его может обнаружить враг, который, конечно, наблюдает из своего укрытия за местностью. Но в дотах ли он? Не ушёл ли через скалы дальше, на север? Кузьмичёв, прижимаясь к скалам, где ползком, где пригибаясь, обходит их у подножья, но выходящих следов не видит. Значит, «охотник» наверху.

Выбрав в скале одну из расщелин, старший лейтенант, маскируясь, забирается в неё.

Мучительно тянется время в ожидании вечера.

Злится ветер. Он с воем и визгом обрушивается на скалы, сметая с них тучи снега, и вершины дымятся позёмкой, словно

вулканы. Начинается снегопад. С каждой минутой он усиливается, и вскоре снежная мгла окутывает остров.

Холодно в расщелине.

«Ноги — ничего,— успокаивает себя Кузьмичёв,— лишь бы руки ружьё держали!» — и он, попеременно стягивая с рук варежки, дышит на пальцы, согревая их.

Расползаются по острову долгожданные сумерки.

«Пора!» — решает старший лейтенант и выбирается из убежища.

Он подходит к террасе и ищет следы, но коварная вьюга, точно языком, зализала их.

«Трудненько будет,— говорит себе Кузьмичёв,— но не беда, расположение дотов я знаю напамять».

Он, хватаясь за камни, влезает на первую террасу, потом на вторую, третью, прижимаясь к скалистой стенке, осторожно подходит к разбитому доту. Несколько минут стоит у входа, прислушивается. Но, кроме стонов вьюги, ничего не слышно.

«Здесь никого нет,— думает старший лейтенант,— иначе бы снег был рыхлый, свежий».

Но он знает, что враг хитрый, бывалый и мог проникнуть в дот, не потревожив сугроба. Представляя себя на месте врага, Кузьмичёв аккуратно перебирается через снежный нанос и, готовый ко всему, спускается в провал, тихо пробирается по извилистому ходу сообщения.

«Эх, фонарика нет»,— сожалеет он, останавливаясь у полуоткрытой стальной двери дота.

Зажигает спичку, заглядывает во внутрь. Он был прав: сюда никто не приходил. Не оказалось «охотника» и во втором доте. Третий и четвёртый располагались выше, амбразурами[1] к морю, два других находились по ту сторону скал. В каком же из них враг?

Старший лейтенант уже не чувствует боли в почти онемевших ногах и с усилием поднимается на следующую террасу. Он обходит по узкой кромке выступ скалы, защищается от хлёсткого порыва ветра и вдруг чувствует запах дыма.

---

[1] Амбразура — отверстие в стене долговременной огневой точки, через которую ведут огонь.

«Здесь!»

Бушует разгулявшаяся метель. Старший лейтенант подходит к доту на цыпочках и заглядывает в амбразуру. Она заложена камнями, из неё валят клубы дыма. Ничего не видно. Тогда Кузьмичёв спускается в ход сообщения, подходит к плотно закрытой стальной двери.

«В доте светло — костер горит,— думает он,— надо рывком открывать дверь и... А если там двое? Ведь враги могли идти след в след.— Пусть — в одного стреляю, другой поднимает руки... А если дверь закрыта на засов? — Кузьмичёв задумывается, не зная, что ответить себе, но через минуту приходит к решению: — Тогда придётся караулить до утра».

Он нащупывает ручку, легонько тянет на себя дверь, но та не подается.

«Фу-у-у, мёрзнуть всю ночь придётся, а эта гадина в тепле сидит!» — скрипит зубами Кузьмичёв.

Но вот из дота доносится какой-то стук. Старший лейтенант отскакивает за дверь к стене, ждёт. Неясный звук повторяется, и следом щёлкает задвижка. Массивная дверь, скрипя ржавыми петлями, медленно закрывает Кузьмичёва. Слышатся неторопливые шаги человека. Кузьмичёв поднимает ружьё, выглядывает из-за двери и видит в нескольких шагах от себя спину невысокого, плотного человека.

Кузьмичёв приседает. Он шарит рукой и находит увесистый камень. Поднимается. Кошачьим шагом выходит из-за двери, мельком заглядывает в дот,— там больше никого нет,— и в два прыжка подскакивает к вышедшему. Глухой удар по ушанке — и человек валится набок.

«Не убил ли невзначай?» — пугается старший лейтенант и, схватив жертву за ногу, быстро тащит её в дот.

Нет, не убил. Дышит.

«Очухается»,— думает Кузьмичёв. Обыскивает пленника, вытаскивая из кобуры пистолет, связывает руки его же ремнём.

Закрыв дверь, старший лейтенант осматривает помещение.

У амбразуры горит костер, над ним на камнях котелок — в нем что-то кипит. Старший лейтенант глотает слюну и только теперь чувствует ужасный голод. Но взгляд его скользит дальше — вот прислонённый к стене японский автомат. Тут же

лежат гранаты. Чуть дальше — спальный меховой мешок, объёмистый ранец, в углу стоит раскрытая портативная рация [1].

«Экую тяжесть тащил, бедняжка,— усмехается Кузьмичёв,— долго собирался «охотиться».

Он садится на спальный мешок и, кривясь от боли, с трудом стягивает резиновые сапоги, разматывает портянки, сбрасывает носки. Пальцы на ногах побелели. Кузьмичёв добирается до амбразуры, хватает комок снега и начинает ожесточённо растирать им ноги. В пальцах появляется боль, постепенно они розовеют.

Застонал на каменном полу пленник, шевельнулся, открыл глаза. Оглядывая дот, увидел Кузьмичёва.

— Замёрзли малость, оттираемся,— подмигнул ему старший лейтенант.— Сейчас ужинать будем!

Пленник молчал. Только в его узких, чёрных, как уголь, глазах мелькнули в бессильном бешенстве злые огоньки.

Кузьмичёв отогрел ноги, высушил портянки и носки, обулся. Потом принялся за ужин. Вкусным и ароматным показался ему суп из свиной тушонки. Остаток он предложил пленнику.

— Будешь есть? — тот отвернулся.— Как хочешь,— равнодушно проговорил Кузьмичёв.— Впрочем, тебя и не следует кормить. Промёрз из-за вашей милости, да и лису упустил. Эх-х-х!

Утро улыбалось солнечными лучами.

Ветер, умаявшись за ночь, присмирел, затих. Только свинцовые воды моря всё ещё шумели прибоем, как бы вспоминая бесновавшуюся ночью вьюгу.

Старший лейтенант возвращается с охоты.

Впереди шагает со связанными руками пленный, нагружённый привезённым с собой добром.

Внезапно где-то впереди за сопками раздаются подряд три выстрела.

«В кого это стреляют? — недоумевает Кузьмичёв, но вскоре догадка озаряет его лицо улыбкой.— А-а-а, меня ищут!» И он трижды стреляет в воздух.

[1] Рация — радиопередатчик.

Через несколько минут из-за сопки показывается на лыжах несколько человек. Они замечают Кузьмичёва и один за другим спешат к нему. Подъезжают.

— Та-а-к, понятно! — глядя на пленника, произносит один из взводных командиров.— А мы думали, вы заблудились, и в поиски направились.

Придя в штаб, старший лейтенант оставляет задержанного на попечение дневального и, постучавшись, входит в кабинет командира.

— Товарищ подполковник, разрешите доложить! — обращается он.

— Говорите,— коротко отвечает командир части.

— Находясь вчера на охоте, преследовал лису и наткнулся на следы нарушителя границы. Выследил его, добыл,— говорит старший лейтенант.

— Приведите пленного,— приказывает подполковник.

Вводят нарушителя границы. Подполковник рассматривает трофеи, потом обращается к старшему лейтенанту:

— Удачная у вас была охота. Хищного зверя добыли. За бдительность, находчивость и отвагу, проявленные при задержании шпиона, от лица службы объявляю вам благодарность!

— Служу Советскому Союзу! — отчеканивает старший лейтенант.

МУЖЕСТВО

С. Самсонов *Рисунки В. Васильева*

Мы сидели в палатке на опушке густой рощи. Наступал вечер. Далеко на западе пряталось ласковое солнце. Лучи его играли бронзовым отливом на зелёных листьях весёлой рощи. Стояла необыкновенная тишина, и только многоузорные листья деревьев чуть-чуть колебались от свежего и тихого ветерка.

После жарких боёв в тридцати километрах от переднего края мы не спеша распивали чай.

Тишину нарушили глухие разрывы бомб там, на передовой.

— Это, наверное, наши бомбят,— сказал мой собеседник и, не дожидаясь ответа, добавил,— а может, фашисты опять лезут...

— Вам приходилось бывать под бомбёжкой? — спросил я.

— Да, бывал.

— Страшно?

— Честно говоря, страшно... Но я-то находился в окопчике и оттуда наблюдал за разрывами бомб, а вот позднее я видел людей под настоящей бомбёжкой...

Мой собеседник отпил глоток чая и начал рассказывать о подвиге шофёра и его проводника...

— Случилось это вот так же под вечер,— начал он.— На подступах к городу Орлу наши части вели бой за одно село. К переднему краю, где артиллеристы держали оборону, нужно было срочно подвезти снаряды. К несчастью, дорога оказалась перерезанной фашистами. Шофёр Сидоркин остановил машину на окраине только что освобождённого села, полыхавшего в огне, и задумался. Сидоркин знал: у артиллеристов боеприпасы на исходе, и они ждут его с минуты на минуту. С другой стороны, шофёр понимал, что рисковать машиной с драгоценным грузом он не имеет права и потому не может необдуманно лезть в пекло.

«Вот если бы проскочить где-нибудь сторонкой,— думал Сидоркин,— было бы дело». Но кто укажет ему путь, если в селе не видно ни единой живой души?

Сидоркин решил посигналить, надеясь, что кто-нибудь из местных жителей покажется на его зов. Он нажал несколько раз сигнальную кнопку, но никто не показывался. Тогда шофёр начал подавать продолжительные сигналы, похожие на рёв сирены. И вдруг из-за угла чудом уцелевшей хаты показалась белая, как лён, голова.

— Эй, кто там, подойди сюда! — крикнул Сидоркин, но голова сейчас же исчезла. Тогда шофёр снова начал сигналить, частыми и отрывистыми гудками.

Голова снова показалась. На этот раз Сидоркин ясно увидел, что это девочка. Худенькая, с испуганным взглядом, с коротко подстриженными волосами, как у мальчика, она наблюдала за машиной с детским любопытством.

— Подойди сюда, не бойся,— стараясь говорить ласково, позвал шофёр. Девочка вышла из-за угла, но не пошла к машине, а остановилась у дома.

— Не бойся, доченька, подойди.

— Да я и не боюсь,— сказала она.

Девочке было лет двенадцать. Она подошла к шофёру.

— Доченька, кто-нибудь в селе есть из взрослых? — спросил он.

— Не знаю.

— Как же так, не знаешь. Ведь не одна же ты тут?

— Ни, одна.

— Так-таки никого, одна?

— Одна, усих фашисты угнали, а я заховалась на хати...

— М-да,— произнёс шофёр.— Знаешь, доченька, может, ты мне поможешь... Понимаешь, я везу снаряды нашим бойцам. Они фрицев бьют на передовой, и у них уже, наверное, все снаряды кончились... По дороге проехать нельзя, её фашисты заняли... Вот если бы как-нибудь другой дорогой проскочить... Не знаешь?

— Та як же не знаю, я всё тут знаю,—ответила она живо и, уже совсем осмелев, встала на подножку машины.

— Садись в кабину,— предложил Сидоркин.

— Ни, я тут буду,— ответила девочка, ухватившись худенькой ручонкой за дверцу кабины.

«Бойкая»,— подумал шофёр и сказал: — Тогда держись хорошенько.

Машина мчалась по узкой просёлочной дороге, вздрагивая и подпрыгивая. Светлые, как лён, волосы девочки развевал встречный ветер. Сидоркин время от времени взглядывал на эту худенькую девчурку с серыми доверчивыми глазёнками, и ему было жаль подвергать её опасности. Он сказал:

— Может, ты, доченька, больше не поедешь, боишься?

— Ни, не боюсь.

Проводница была немногословна, за дверцу машины держалась крепко и время от времени, на развилках и поворотах дороги, показывала свободной рукой путь. Так они въехали в овраг и, чтобы миновать противника, не обнаружив себя, решили проехать оврагом метров триста, но как нарочно машина застряла.

В это время фашистские самолёты начали бомбить овраг. Воздух наполнился неприятным рокотом моторов, трескучим шумом зениток и противным воем падающих бомб. Осколком бомбы Сидоркин был ранен в ногу. Яркий взрыв другой бомбы поджёг машину. Языки зловещего пламени подбирались по

горящему брезенту к ящикам с боеприпасами. Казалось, взрыв снарядов неминуем. Перепуганная девочка, по сигналу шофера, начала срывать брезент, но у нёе не хватало ни сил, ни уменья.

— Уходи, доченька,— несколько раз кричал девочке Сидоркин, но она, казалось, не слышала и продолжала тушить огонь, несмотря на бомбежку.

Пока они возились с брезентом, срывая его с одной стороны машины, на другом конце её загорелись ящики. Ещё секунды — и машина вместе с боеприпасами, с шофёром и этой маленькой смелой девочкой взлетит на воздух.

В трёхстах метрах от нас шла эта борьба. Мы заметили их не сразу, а заметив, кинулись на помощь. Не добежав до места метров пятьдесят, увидели, как машина вдруг вырвалась и скрылась за поворотом оврага, там, где шли бои. Девочка постояла секунду-другую и бросилась бежать назад, откуда пришла машина. Мы попытались кричать ей вслед, но грохот боя заглушал наши крики.

— Кто же она? — спросил я.

— Никто не знает. Шофёр тоже не знает,— ответил мой собеседник и добавил: — После, когда всё кончилось, я узнал, что Сидоркин заезжал на обратном пути в село, но девочки там не нашёл. Потом он написал письмо в редакцию фронтовой газеты и просил рассказать о мужественном подвиге юной патриотки.

Я слушал об этом с волнением и дал слово: всё равно, когда это будет — теперь, когда идут бои и у нас нет ни минуты свободного времени, или после, когда наша Родина обретёт мирную, счастливую жизнь, я обязательно напишу об этом подвиге неизвестной девочки из села Сорокино, Орловской области...

Соседка

Комедия в одном действии

Ол. Коряков, И. Кычаков **Рисунки Е. Гилёвой**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Василь
Коля } *шестиклассники*
Тамара

Небольшой двор. Справа — двери, ведущие в квартиру, где живёт Коля; слева — крыльцо квартиры Тамары.

Тамара выбегает на крыльцо. В руках у неё модель самолёта с моторчиком.

Тамара *(осматривая модель)*. Кажется, всё в порядке. Вот только хвост ещё подклею — и всё. *(Устанавливает модель на крыльце.)* Ой! Клей-то забыла! Вот растяпа! *(Убегает в дом.)*

Сцена некоторое время пуста. Потом появляется Василь. Он вынимает карманное зеркальце и пытается навести на окна квартиры Коли солнечный зайчик. Но солнца нет, и у Василя ничего не получается. Махнув от досады рукой, Василь закладывает два пальца в рот и свистит.

В квартире, где живёт Коля, раздается громкий плач, слышен голос Коли: «Бай-бай! Не ходи верблюд в сарай! Да спи ты, спи... Ну, чего тебе надо?!» Плач усиливается.

Василь подбегает к окну, открывает его и заглядывает в комнату.

В а с и л ь. Коля! Что с тобой? Коля!

К о л я *(появляясь в окне)*. Кто там? А-а, это ты...

В а с и л ь. Ой, что с тобой! Погляди-ка!

К о л я. Некогда мне глядеть. Видишь, брат орёт. *(Плач усиливается.)*

В а с и л ь. Да ты весь в саже. И лоб и щёки измазал!

К о л я. Измажешь тут. *(Скрывается в окне. Слышен его голос.)* Спи, русским языком тебе говорю! Бай-бай! Не ходи медведь в сарай! У-у-у!

В а с и л ь. Эх, и нянька! Рычит, как зверь! Ты же ребёнка испугаешь...

К о л я *(поёт тоненьким голоском)*. Заберёт тебя медведь, и не будешь ты реветь!

В а с и л ь. Он не хочет спать. Ты ему игрушку, игрушку дай. Что ты! Зачем кастрюлю суёшь! Он ведь не удержит, он маленький.

Слышно, как Коля стучит в кастрюлю и кричит: «Красный барабанщик! Крепко спал! Он проснулся, перевернулся, всех фашистов разогнал!» Оглушённый громом, маленький братишка смолкает. В окне появляется Коля, весь в поту, лоб и щёки в саже.

К о л я. Фу-у! Успокоил!

В а с и л ь. Ты почему в школе не был?

К о л я. Домовничал. Фу-у!

В а с и л ь. А мать где?

К о л я. Папа в командировке, тётя Маруся уехала гостить к родным, а маму срочно вызвали на строительство.

В а с и л ь. Зачем?

К о л я. Не знаешь? Она же у нас специалист по турбинам. А там у них что-то не ладится. Только я в школу собрался,

приезжает машина — «Александра Петровна, выручите!» Мама говорит: «А дети?» — «Какие там дети! У вас, вон, какой сын! Прямо орёл!» Это про меня. «Ты,— говорит,— справишься?» Я только хотел рот открыть, а он: «Вот и прекрасно! Я так и знал, что ты молодец!»... Ну, сели в машину и уехали...

Василь. И остался ты один с Володькой...

Коля. И с печкой, и с молоком, и с кашей.

Василь. Ну и как?

Коля. Пришлось девчоночьими делами заниматься. Надо же строителям помочь!

Василь. А Володька?

Коля. Орёт. Ему, видите ли, маму подавай. А тут ещё молоко уплыло, и каша почему-то не варится.

Василь. Совсем?

Коля. Что совсем?

Василь. Да молоко-то?

Коля. Ну, не совсем. Осталось на донышке. Я слушал, слушал, когда сторож застучит. А потом смотрю — что такое? — плита зашипела, дым клубом, а молоко пеной взялось.

Василь. Понятно. У меня тоже как-то молоко убежало.

В комнате опять слышен крик. Коля скрывается. Слышен его голос: «Ну, что ты за ребёнок! У всех братья, как братья, а ты орёшь... И не стыдно? Спи!» Стучит в кастрюлю. Василь под Колин стук приплясывает: «Дили-бом, дили-бом! Загорелся Колин дом!»

Коля *(появляясь в окне)*. Ну, чего ты смеёшься! Тоже мне, товарищ... Нет, чтобы помочь...

Василь. Что я тебе, нянька?

Коля. А я, скажешь, нянька? Смотри, если ребятам разболтаешь, дружить не буду. Я ведь это строителям помогаю. А так ни за какие коврижки не остался бы...

Василь. А у тебя по английскому двойка!

Коля. Откуда ты взял?

Василь. Сегодня тетрадки раздавали. Мария Фёдоровна сказала: «Что мне с Колей делать? Опять семь ошибок!»

Коля. Не ври. Семь?

Василь. Конечно, семь. А у меня четвёрка.

Коля. Подумаешь.

В а с и л ь. Запиши задание на дом. По алгебре задачки. Пятый параграф. По английскому повторять седьмой урок и выписать слова, в которых были ошибки. Понял?

К о л я. Подумаешь...

В а с и л ь. По ботанике — страница 177 до обратной стороны. А ещё, знаешь, что?

К о л я. Ну?

В а с и л ь. Нас рассадили!

К о л я. Как рассадили?

В а с и л ь. С девчонками.

К о л я. Всех?

В а с и л ь. Всех-привсех!

К о л я. А тебя с кем?

В а с и л ь. С Наткой Переваловой.

К о л я. Это с рыжей-то? И ты сел?

В а с и л ь. Как же не сядешь, раз заставляют. А тебя...

К о л я. И меня? Ну, уж я не сяду! Это, чтоб я с девчонкой сидел! Дудки!

В а с и л ь. Да тебя с новенькой.

К о л я. С какой ещё новенькой?

В а с и л ь. С Томом!

К о л я. С каким Томом? Мальчишка?

В а с и л ь. А вот увидишь! У нас теперь есть новенькая, то есть... новенький... Том.

К о л я. Не русский?

В а с и л ь. Русский. Да ты увидишь. *(Смеётся.)*

К о л я. А чего ты смеёшься?

В а с и л ь. И вовсе не смеюсь.

К о л я. Да что, я по глазам не вижу? Скажи правду.

В а с и л ь. Я и говорю правду. Привели новенького, фамилия Олейник, а зовут Том. Я сказал: его надо с Колей посадить. А Мария Фёдоровна говорит: «Правильно. Том у нас отличник по английскому, вот и будет помогать».

К о л я. Значит, только мы, двое мальчишек, будем сидеть на одной парте! Вот здорово!

В а с и л ь. Это я тебе помог...

К о л я. Молодец! Я тебе тоже удружу. Да я с девчонкой ни за что и не сел бы.

Василь. А это у вас что? *(Показывает на модель самолёта.)*

Коля. Не знаю. А ну, посмотрим! *(Выпрыгивает из окна, рассматривает модель.)* Вот это да-а! Смотри, как здорово сделано!

Василь. А крылья какие! И моторчик есть...

Коля. Где моторчик? И верно, настоящий. Бензиновый.

Василь. Кто тут живёт?

Коля. Не знаю. Тут раньше Витя жил. Десятиклассник. Теперь они всей семьёй на целину уехали. Вчера кто-то въезжал, вещи вносили, да я не посмотрел, кто.

Василь. Вот тебе хорошо! С этим мальчишкой дружить будете...

Коля. Конечно, будем. Если не зазнаистый.

Василь. А вдруг девчонка!

Коля. Чтоб девчонка такой самолёт сделала? Что ты! Они же только и умеют с куклами возиться. Не-ет, это мальчишка. Сразу видно. *(В квартире плач. Коля бежит в дом.)*

Василь. Опять закричал. Ну, я пойду. Во Дворец пионеров надо сходить. *(Заглядывает в окно.)* Пока, хозяйка. Счастливо оставаться!

На крыльцо, напевая, выходит Тамара. Василь её заметил, остановился.

Василь. Олейник? Ты что тут делаешь?

Тамара. Я живу здесь. Вот в этой квартире. А ты?

Василь. В этой квартире? Во-он что! А самолёт твой?

Тамара. Мой.

Василь. Скажешь, сама делала?

Тамара. Конечно, сама.

Василь. Тю-тю! Вот это номер! Ну, тогда познакомься. Здесь живёт Коля, твой сосед по парте. Слышишь, как он хозяйничает?

Тамара. Вот и молодец, что маме помогает.

Василь. Это он помогает? Молоко упустил, брата усыпить не может. Хозяйка! Вот ты ещё увидишь. Пока! *(Уходит. Тамара, прислушиваясь к крикам в квартире Коли, начинает клеить у модели хвост. Вскоре в своём окне появляется Коля).*

К о л я. Эй! Девчонка! Ты чего там делаешь?

Т а м а р а *(говорит по-английски)*. Клею, дитя мое.

К о л я. Чего? Чайлд? Сама ты чайлд! Тоже мне англичанка! А ну не трогай! Говорят тебе, сломаешь!

Т а м а р а. Не кричите, дети.

К о л я. Да ты что, и в самом деле русского языка не понимаешь? *(Выскакивает из окна.)* Кто такая? Говори!

Т а м а р а *(протягивая руку)*. Том Олейник.

К о л я. Англичанка?

Т а м а р а. Говорите по-английски?

К о л я. Инглиш, Инглиш! Зачем в чужое дело лезешь? Иди к своим куклам.

Т а м а р а. Это моя модель.

К о л я. Не русская! Вот ещё морока — не русская девчонка. Ну, всё равно. В чужое дело нечего нос, понимаешь, нос совать. Марш домой!

Т а м а р а. Какой вы грубый.

К о л я. Я по-английски не понимаю. Ай инглиш ноу, ноу! У меня двойка. Ясно? *(Показывает на пальцах.)* Ничего не понимает! Как ей растолковать? Ты гёл — девчонка, понятно? Это не твоего ума дело. Иди к куклам. Понятно? Бай-бай! Понятно? *(Слышен плач братика.)*

Т а м а р а *(говорит по-русски)*. Во-первых, ты не сказал своего имени, а во-вторых, твой брат плачет!

К о л я. Вот как! Да ты, оказывается, и по-русски умеешь! Ты русская?

Т а м а р а. Украинка.

К о л я. Вот что! Зачем чужую модель трогаешь? Самой-то ни за что не сделать, а туда же лезет...

Т а м а р а. Твой братик плачет...

К о л я. Подумаешь! У меня брат, знаешь, какой! Он никогда не плачет. Он это так, забавляется.

Т а м а р а. Хороша забава? А ты что, с ним водишься?

К о л я. Что я девчонка? Просто так, шефствую...

Плач раздаётся сильнее. К о л я убегает в дом, на бегу кричит: «Иду, иду, чего разорался!»

Появился В а с и л ь.

Василь. Видела? Вот это и есть Колька Сидоров. С тобой на одной парте сидеть будет. Ох, и достанется тебе!

Тамара. Почему же достанется? От кого?

Василь. От него. Ты ещё не знаешь, какой он. Ого-го какой! Он вас, девчонок, очень не любит. Всегда за косы дёргает.

Тамара. А я его не боюсь.

Василь. А ты ему сказала, кто ты?

Тамара. Сказала, по-английски. Да он ничего не понял.

Василь. А про модель сказала?

Тамара. Нет.

Василь. Вот он удивится!

Выбегает Коля.

Коля. Эй, девчонка! *(Увидел Василя.)* Смотри, Василь, какая у нас птица объявилась! К чужому самолёту лезет. Я ей русским языком говорю: не лезь! Так она мне по-английски голову морочит. А ну, лови её, мы ей покажем! Лови!

Тамара. А зачем меня ловить? Я же не убегаю.

Коля. Ишь ты, храбрая! А почему, собственно, не убегаешь?

Тамара. А я просто не боюсь тебя.

Коля. Не боишься? Новое дело! А ты... а ты думаешь, легко такой самолёт сделать? Думаешь легко?

Тамара. Не очень легко.

Коля. А зачем трогаешь, сломать захотела? Всегда вы, девчонки, так: покажи да расскажи, а сами ничего делать не умеете.

Тамара. Эту модель я сама делала.

Коля. Ты-ы? Так тебе и поверил я! Это мой друг, сосед, сделал. Ты где живёшь?

Тамара *(показывая на дом)*. Вот здесь и живу.

Коля. Здесь? Так это ты моя соседка?

Тамара. Я.

Коля. Ври больше. Так я тебе и поверил! Наверно, отец сделал, а ты задаёшься.

Василь. Нет, это в самом деле она.

Коля. Ну и пусть. Подумаешь, невидаль, самолёт. Вот мы с другом, который со мной на одной парте сидит, радиоактивный самолёт сделали.

Василь. С каким другом?

Коля. С Томом. Не то что у тебя. Настоящий самолёт, по последнему слову техники.

Тамара. Не радиоактивный, а реактивный. Это во-первых. А во-вторых, ты — вруша.

Коля. Это я-то вруша? Василь, ты слышал? Ну, ты меня ещё не знаешь. Я тебе покажу, где раки зимуют. Это тебе не в куклы играть.

Тамара. Попробуй.

Коля. Смотри ты, не боится! А по заборам ты лазить умеешь?

Тамара. Умею. Только не буду.

Коля *(торжествуя)*. Ага, сразу сдрейфила! Сразу нехорошо ей стало! Девчонка!

Тамара. Если хочешь соревноваться, давай так сделаем. Он *(показывает на Василя)* будет судья. Первое состязание — бум. Идёт?

Коля. Бум. *(Смеётся.)* Сказала! А где ты его возьмёшь?

Тамара. Это пустяки. *(Бежит за дом, несёт жердь, устанавливает её так, что один конец лежит на одном крыльце, другой — на другом.)* Готово! Начинай!

Коля. Ишь, какая прыткая. Тоже мне, бум. Девчонка так и есть девчонка.

Василь. Начинай, Коля.

Коля. И начну. Это мне раз — и готово. *(Идёт к буму.)* А как надо? Пройти?

Тамара. Ну, конечно. Вот так. *(Легко и быстро проходит, балансируя, по буму.)*

Коля. Понятно. Тоже мне, бум. *(Становится на палку одной ногой.)* Василь, только судить по всем правилам. А то знаю я вас...

Василь. Да ты иди, иди.

Коля. И пойду. Подумаешь, удивили! *(Хочет пройти, но срывается и падает.)*

Тамара. Не сумел, не сумел! *(Василь смеётся.)*

Коля. Чего радуешься? Сам попробуй! Ну, и упал!

Тамара. А я не упала! А я не упала!

Коля. Может, ты на балерину учишься. Я почём знаю. Может, ты сейчас на одних носках пойдёшь! А я тоже ходи, да? Ты вот посмотри, какие у меня мускулы. Это тебе не по палкам ходить. Тут тренировка! *(Сгибает правую руку.)*

Тамара. А у меня и не меньше. Ты зарядкой занимаешься?

Василь. В постели.

Коля. Что-о? Зарядкой?

Василь. Он зарядку в кроватке проводит.

Коля. Подумаешь, зарядка!

Тамара. Давай тянуться!

Коля. Как это?

Тамара. А вот так, за верёвку.

Коля. Ну, это опять девчоночья выдумка.

Тамара. А матросы, по-твоему, тоже девчонки?

Коля. Причём тут матросы?

Тамара. Я видела в Ленинграде, как они на празднике канат тянули.

Коля. А ты была в Ленинграде?

Тамара. Я жила там. Ну, давай!

Коля. Верёвки нет.

Тамара. А я принесу. *(Убегает в дом.)*

Коля *(Василю)*. Видал? Вот нелёгкая принесла соседку.

Вбегает Тамара с верёвкой в руках.

Тамара. Ну, начали. *(Отчёркивает ногой черту.)* Это будет главная мета. Если ты меня за неё перетянешь, ты победил, если я,— я. Держи верёвку.

В доме Коли раздаётся плач.

Коля. Василь, сходи к Володьке. Видишь, я занят.

Василь. Ладно. *(Уходит.)*

Коля. Давай потянемся. Я тебя в два счёта перетяну...

Тамара. Не говори гоп... *(Начинают с разных концов тянуть верёвку.)*

Коля. А ну, держись! Это тебе не балет, тут сила нужна...

Тамара. Стой крепче!

Коля. Сама держись! Ага, пошло, пошло. Ого-го! Это тебе не в куклы играть.

Пока Коля бахвалился, Тамара перехватила инициативу и с силой натянула верёвку. Коля пытается удержаться на месте.

В а с и л ь *(появляясь в окне)*. Тяти, тяни сильней, Тамара!

Тамара рванула, и Коля, не удержавшись на месте, пересек главную мету.

К о л я. Ну, вас! Один смеётся, другой тянет. *(Василю, который смеётся в окне.)* А ты тоже, друг! Не можешь за Володькой посмотреть!

Т а м а р а. Перетянула, перетянула!

К о л я. Отстань. Некогда мне. Если бы Володька не заплакал, я бы тебе показал. *(Уходит в дом. Тамара, подойдя к окну, заглядывает в него.)*

Т а м а р а. Ой, что он там натворил! Сразу видно, мальчишка, ничего не знает. Ведь он же мокренький. Где сухая пелёнка? Да не так, не так! Ой, что он делает! *(Убегает в дом. Оттуда слышен её голос.)* Не плачь, Вова, не плачь! Твой брат глупый, ничего не умеет. Подай, Коля, пелёнку. Да пошевеливайся ты!

Из двери выходят сконфуженные К о л я и В а с и л ь.

К о л я. Вот девчонка! Смотри, как она его ловко взяла! Думаешь, успокоит?

В а с и л ь *(прислушиваясь)*. Уже уговорила.

Т а м а р а *(в окне)*. А на столе-то что! Ужас! Безобразие. Коля, сейчас же затапливай плиту! Умеешь?

К о л я. А ты думала?..

Т а м а р а. Надо посуду вымыть и кашку сварить. Где у вас манная крупа?

К о л я. Кажется, в буфете или ещё где-то...

Т а м а р а. Ничего, ну ничегошеньки не знает! Братец называется. *(Выходит с ведром в руке.)* Надо в доме порядок навести. Ты, Василь, иди за водой, а ты, Коля, неси дров. Плиту затопим.

В а с и л ь. Есть, товарищ начальник!

Т а м а р а. Коля, а что там, на комоде за модель у вас?

К о л я. Это турбина. Мама делала.

Т а м а р а. Мама? Значит, она специалист по турбинам?

К о л я. Ещё какой! Её все на заводе знают.

Т а м а р а *(неожиданно засмеявшись)*. Слушай, а твою маму раньше за косы дёргали.

Коля *(опешив)*. Н-не знаю... Как это: маму — и за косы? Ты в своём уме?

Тамара *(пожимая плечами)*. Была же она школьницей! А вот сосед, как ты, подойдёт и дёрнет: «Девчонка, что ты можешь!» А она, оказывается, специалист по турбинам!.. Вот тебе и девчонка! А моя мама — токарь. Лауреат Сталинской премии.

Коля. Хм. Здорово!..

Василь. А ведь и верно! Здесь и из наших девчат получатся всякие там лауреаты и академики. А? Вполне может быть.

Тамара. Обязательно!

Коля. Хм...

Тамара. Коля, а ты возьмёшь меня в компанию свой «радиоактивный» самолёт делать?

Коля. Это... который мы с новичком, с соседом по парте мастерим?

Тамара *(продолжая хитрить)*. Ага.

Коля. Не знаю, согласится он или нет.

Василь. Согласи-ится.

Коля. А ты откуда знаешь?

Василь. Товарищ Том, вы как, согласитесь или нет?

Тамара и Василь смеются. Коля недоумевает.

Тамара. Твой сосед по парте вот он! *(Тычет себя в грудь.)* Я!

Коля. Ну да-а? *(Беспомощно оглядывается на Василя.)*

Тамара. Слово!

Василь. Её зовут Тамара. Сокращённо — Том. А фамилия — Олейник. Я же тебе говорил.

Коля. И тут соседка!

Василь. Она с тобой по английскому заниматься будет.

Тамара. И самолёт вместе построим.

Коля *(ещё не совсем уверенно)*. Идёт...

Тамара. Только за косы дёргать не будешь?

Коля. Ладно, не буду.

Тамара. Тогда марш за дровами!

Коля. Постой! А командовать у нас кто будет? Ты? Так не пойдёт. Давай по-переменке!

Тамара. По рукам!

Жмут друг другу руки. Василь изображает оркестр, играющий туш. Коля в пожатие вложил всю свою мальчишескую силу.

Тамара. Ой, больно!

Коля. Это на всякий случай, чтобы не зазнавалась. *(Оба смеются.)*

Занавес

Пожар

Глава из повести

Т. Преображенская *Рисунки Б. Ковецкого*

Юра проснулся, откинул одеяло, сделал мостик, затем вытянулся на кровати и прислушался. В тишине странно громко тикал будильник.

— Мама! — окликнул Юра. Никто не отозвался. Мальчик вскочил и поморщился: вчера он целый день пробегал на коньках и у него болели мышцы.

— Гимнастику! —скомандовал себе Юра.— Шагом мар-рш! — он выглянул в другую комнату.— Рраз, два! Никого! — так же, мимоходом, подёргал входную дверь, поискал ключ.— Раз, два — закрыли! Стоп! Теперь бокс! — И мальчик начал

выбрасывать вперёд руки со сжатыми кулаками, приговаривая: — Болишь? А вот тебе! Рраз! Тебе тоже рраз!

В коридоре послышались шаги. Кто-то дёрнул дверь, затем осторожно постучал.

— Кто там? — быстро спросил Юра.

— Открой «конькобежец». Это я, Федя!

— А-а! «Художник»! Открыть я не могу, я закрыт!

— А что ты делаешь?

— Что делаешь? Гимнастику делаешь. Восемь, девять,— считал Юра, начав следующее упражнение — приседание.

— Эх, ты! Закрыли, как маленького! — затянул было Федя, но тут же сообщил: — А я тебя вижу!

— Ну и пожалуйста, видь! «Закрыли, как маленького». Ты бы так прокатался, тоже бы проспал! Маме ведь на работу надо и Наташку в садик вести. Вот и закрыла. Она придёт в перерыв.— Подойдя вплотную к двери, сердито говорил Юра.

— Юрка! Знаешь, что? Я залезу в форточку?

— В форточку? Попробуй! Вот будет смешно: мама закрыла меня одного, а придёт — нас двое. Только тебе до форточки не достать, захвати какой-нибудь ящик.

— Ладно! — ответил Федя.

Юра, усевшись на корточки, посмотрел в замочную скважину вслед уходившему приятелю, затем поднялся и подошёл к окну.

— Заберётся! — проговорил он вслух, измеряя глазами высоту.

Действительно, по другую сторону окна был поставлен ящик, на него забрался Федя. Юра, стоя на подоконнике, открыл форточку и подал товарищу руку.

— Низковато! Что-то ещё нужно.

— А ты дай что-нибудь из комнаты,— попросил Федя.

— Из комнаты? — Юра осмотрелся.— Нашёл! Ящик от стола! Подожди! Вначале я попробую свою голову просунуть. Если моя пролезет, ну, значит, и твоя тоже.— Но форточка оказалась узка, несмотря на все старания Юры просунуть голову.

— Не проходит! Знаешь, что? Давай смеряем головы, может быть, твоя меньше.

— Ты что, думаешь, я дурак? Меньше! — обиделся Федя, а Юра расхохотался.

— Можешь смеяться, сколько угодно! Закрыли, как маленького, вот и сиди! А я пойду! Ещё руки тут с тобой отморозишь, я всё-таки художник!

— Ну и иди! Подумаешь! Ты не художник, а задавала! — рассердился Юра и захлопнул форточку. А Федя, приготовившийся было спуститься, вдруг взмахнул руками и упал.

Юра хохотал до слёз, глядя, как приятель выбирался из сугроба.— Ох, как выкупался, здорово!

Обиженный Федя ушёл, а Юра остался сидеть на подоконнике.

Как ему хотелось выйти хотя бы во двор! Юра долго вздыхал, потом слез с подоконника, ходил из угла в угол, дёргал дверь и просто не знал, что с собой делать, чем заняться. Настроение у него стало прескверное — как будто всё, что могло его интересовать, находилось там, за закрытой дверью.

На глаза попала книга, которую Юра с большим удовольствием читал накануне, а сейчас, небрежно перелистав, он отбросил её в сторону. Он даже толкнул ногой свой заветный ящик — любимая коллекция разноцветных камней на белоснежной вате потеряла всю ценность.

А тут, будто нарочно, явились приятели, да ещё сразу трое.

— Эх, жаль, что не можешь выйти! Лёд сегодня, Юрка!.. Ну, как стекло! — Говорил один из них, прижимая губы к замочной скважине.

— А, может быть, какой-нибудь ключ подойдёт? — постарался, как всегда, найти выход Шурик Леденцов.

— Давайте принесём все ключи, у кого какие есть.

— Ты, леденец, молодец! — закричал из-за двери Юра.— Идите скорей!

— Сейчас! — отозвались ребята и, топая, выбежали из коридора. Юра подскочил к окну и с улыбкой смотрел им вслед. Затем вытащил коньки, надел

пальто, шапку. Ребята быстро вернулись и принялись всовывать по очереди разные ключи.

Юра присел на корточки и смотрел, как закрывала бородка отверстие для ключа.

— Стой! Вот этот!

— Подожди! Может быть, тот...— переговаривались ребята за дверью.

— Юрка!— раздался опечаленный голос Шурика.— Не подходит ни один.

— Может, неправильно вставляли? Попробуйте ещё,— попросил Юра.

— Да мы и так по нескольку раз пробовали.

— Ну... Идите тогда,— чуть не плача, проговорил Юра.

— Ты приходи вечером! Мы долго будем кататься,— прогудело в замочную скважину.

— Может, мама в перерыв придёт, тогда мигом прибегу!

Медленно шло время до маминого перерыва и удивительно быстро промелькнул потом час: мама не пришла. «Закрыла, как маленького»,— с обидой думал Юра, слоняясь по комнате.

На столе лежала, забытая мамой, коробка спичек. Юра машинально взял её, выбил на ней пальцами дробь. Потом вытащил спичку, поставил её на боковую стенку коробки, прижал

пальцем, а другой рукой щелчком «выстрелил», как это делал кто-то из ребят в школе. «Выстрел» получился великолепный. Юра довольно улыбнулся и достал следующую спичку. Он забыл свои огорчения и увлёкся «стрельбой». Спички, ярко вспыхивая, с шипеньем отскакивали от коробки и, падая, гасли, оставляя за собой тоненькую струйку дыма.

Но скоро Юра с сожалением увидел, что спичек больше нет. Он поискал ещё — нет ли где-нибудь другой коробки. Другой коробки не было. Мелькнула мысль о том, что надо бы собрать теперь разбросанные по всей комнате спички, но Юра быстро убедил себя в том, что сделает это потом, ещё успеет до прихода мамы, а сейчас ему необходимо отдохнуть. Он ушёл в другую комнату и растянулся на диване.

Он вздыхал, вспоминая о том, что друзья сейчас на катке, ворочался с боку на бок и, незаметно для себя, заснул.

Проснулся Юра от едкого дыма, который настойчиво лез в нос. Юра поморщился, открыл глаза и очень удивился: потолок был не белым, а тёмносерым.

— Что это? — проговорил он вслух, окончательно просыпаясь.

— Дым? Откуда? — Юра вскочил и некоторое время, словно оцепенев, с ужасом глядел, как из другой комнаты между занавесками струйками пробивался дым.

Победив страх, Юра рванул шторы и тотчас же оказался в облаке дыма, который тяжёлой тучей висел над полом.

Юра нагнулся и бросился в комнату. И там он увидел разбросанные спички с обожжёнными головками. Всё стало ясно. Лихорадочно, дрожащими руками Юра начал переворачивать вещи, заглядывать всюду, разыскивая место, куда могла попасть ещё горевшая спичка, которую он не заметил.

От движения Юры дымное облако заколыхалось, и дым стал расползаться по комнате. Стало трудно дышать. Юра опустился на четвереньки и замер, ожидая, когда дым успокоится и поднимется кверху. Слёзы текли по его лицу, голова тяжелела. Но Юра слишком хорошо понимал, что нельзя терять ни одной минуты.

«Успеть бы до мамы! Успеть бы до мамы!» — стучали в голове молоточки.

Голова становилась всё тяжелей и тяжелей. Тело налилось свинцовой тяжестью, плохо подчинялось Юре. Начали путаться мысли.

«Лечь бы сейчас и заснуть. А может быть, он спит? Может быть, стоит только проснуться, и всё это исчезнет?» Но разламывающая голову боль слишком ощутима, и сердце, которого он раньше не замечал, стучало, словно хотело вырваться из груди.

Юра подполз к кровати, с трудом поднялся и не в силах преодолеть желание уснуть ткнулся головой в подушки, но тотчас же с криком вскочил! Правую руку и лоб словно ошпарило кипятком. В первую минуту Юра не мог сообразить: от чего это?

Он, теряя силы, опустился на пол, поднял измученный взгляд и вдруг увидел разорванную наволочку и бегающие огненные искры тлеющего пера.

Юра захватил лицо руками, заплакал громко, безудержно. «Не успеть! Всё равно узнают. Мама узнает»,— шептал Юра, рукавом размазывая по лицу чёрные полосы.

Вздыхая и продолжая всхлипывать, он осторожно взял подушку за углы, но в прогоревшую наволочку тотчас же начало высыпаться перо. Юра быстро положил подушку на пол и принялся руками бить по тлеющим на кровати перьям, но перья разлетались. Тогда Юра завернул одеяло и, напрягая последние силы, начал мять его. Затем развернул и, убедившись, что всё потушено, взялся за подушку.

Он потушил всё до последней искры! Видя, что опасности больше нет, Юра, задыхаясь от дыма и едва не теряя сознание, взял табурет, подошёл к окну и что было силы ударил по раме раз, другой. Табуретка вырвалась и упала на пол, в распахнувшееся окно пахнуло морозным воздухом. Юра кое-как вскарабкался на подоконник и свалился в лежавший под окном сугроб.

Клубы дыма повалили из окна. Заметались перепуганные соседи. Где-то заплакала от страха девочка.

Юра ничего не слышал и не видел: он был без сознания.

Очнулся Юра от воя сирены.

Он увидел пожарную машину, закрыл глаза и застонал.

— Ну, что ты? — наклонившись над Юрой, спросил мужчина в шинели.

— Вы... Вы пожарник? — шёпотом спросил Юра.

Военный кивнул головой и хотел поднять Юру, но тот встал сам и быстро, с тревогой заговорил:

— Я ведь всё потушил! Там же не горит!

— Вот и отлично! А проверить мы всё-таки обязаны.— Тут военный обратился к показавшемуся в окно бойцу: — Ну как?

— Мы задержимся, а вы можете ехать, товарищ Семёнов!

— Ну, вот что: поедем со мной.

— А-а зачем? — с испугом спросил Юра.

— Зачем? А ты шагай. Приедем — поговорим. Да ты не трусь! — усмехнулся Семёнов, подталкивая Юру к машине.

Ехали молча. Юра сидел понуро, на душе у него было так тоскливо, что он даже ни разу не выглянул в окно.

Машина остановилась у большого каменного здания, и Се-

мёнов провёл Юру в комнату, на двери которой была табличка: «Дежурная комната».

— Садись, — кивнул Семёнов на стул, стоявший у стола, и сам сел по другую сторону в деревянное кресло.

Подавленный всем происшедшим, Юра угрюмо молчал и отчаянно крутил указательный палец.

— Куришь? — прервал молчание Семёнов, разглядывая чумазое лицо мальчика и обгоревший чуб.

Юра отрицательно качнул головой.

— Какие-нибудь эксперименты устраивал?

Юра стиснул зубы, ещё ниже опустил голову и, переведя дыхание, ответил:

— Я... стрелял спичками.

— Вот оно что!

— Они все гасли, а одна, видно, попала в постель — я не заметил.

— Та-ак! А я, признаться, подумал о тебе лучше. Думаю, парень занимался какими-нибудь опытами, да вот, не посоветовавшись со старшими, попал в беду. А ты, оказывается, вон что! Да-а-а! А почему ты оказался закрытым?

Юра рассказал.

Как хотелось ему сейчас дать слово, что никогда ничего подобного с ним больше не случится!

— Ты из какой школы?

Юра ответил.

— Ну, смотри, как хорошо! Могу тебе сообщить, что я прикреплён к вашей школе. Скоро у вас будет дружина юных пожарных. Слыхал о таких?

Конечно, Юра слыхал о дружине и даже как-то видел тренировочные занятия, которые проводились во Дворце пионеров. Тогда Юра пионервожатому все уши прожужжал: почему нет у них такой дружины? А потом как-то забыл.

— У нас в школе будет дружина? — переспросил он.

— А что? — хитро прищурившись, поинтересовался Семёнов.

— Да нет, я... просто так,— смутился Юра, а сам между тем думал: «И почему у нас именно он? Значит, всё равно все узнают!»

— Ну, а теперь иди домой.

Долго стоял Юра около своей квартиры, уткнувшись лбом в дверь. Наконец, собравшись с духом, потянул за ручку. Дверь скрипнула и приоткрылась.

— Кто там? — услышал он голос матери.

— Мама! — Юра закусил губу так, что почувствовал солоноватый вкус крови во рту. Мать стояла, смотрела на него и тоже молчала.

Юра исподлобья разглядывал комнату. Он без конца глотал слюну, стараясь освободиться от комка, который застрял у него в горле. После долгих усилий мальчик повторил:

— Мама!

— Ты расскажешь после! — остановила его Мария Петровна.— А сейчас нужно привести в порядок комнату.

— А где Наташка? — робко, с беспокойством спросил Юра.

— У соседей.

Юра скрёб, мыл, выбегал во двор перетрясать вещи, выносил помои, приносил воду. Он старался сделать как можно больше, опережая маму.

В воздухе летала сажа. Стены и потолок были тёмносерыми. И только позже, когда всё было прибрано, Юра рассказал матери, как случилось несчастье.

Ни словом не обмолвилась Мария Петровна. Только вздохнула.

«Лучше бы отругала меня! Побила бы! А она ещё лоб мне забинтовала, намазала чем-то».

На другой день Юра проснулся очень рано. Лёжа в постели,

рассматривал стены, потолок и вздыхал, вспоминая, какая эта комната была чистая и уютная прежде. А что, если?.. Она ведь небольшая? Ведь стены и потолок можно вымыть?

Когда Мария Петровна ушла на работу, Юра, не раздумывая, принялся за дело.

Возвратившись вечером, мать была поражена: Юра стоял весь в мелу и держал в руках половую тряпку.

— Ну что ты наделал? Ну что ты наделал? Сам-то на кого похож? — улыбаясь, говорила Мария Петровна, и Юра видел, что она на него не сердится.

— Эх, не успел! — огорчался он.— Какая, оказывается, эта домашняя работа... ну... здорово много надо времени!

— А ты думал, как?

— Я сейчас! Ты иди за Наташкой, а я домою пол.— Немного уж осталось. А всякую мелочь доделаю завтра.

— Вот что, клади тряпку в таз и раздевайся.

— Ну, уж нет, мама! Ты думаешь, я устал? Вот ни капельки! Честное слово! Ну, мама, я сам.

— Хорошо! Уговорил! — согласилась Мария Петровна смеясь. И Юра готов был переделать ещё уйму дел, только бы видеть её довольной.

Про Серёжу

М. Михеев *Рисунки Н. Мамчича*

Звенит на улице звонок.
Идёт Серёжа на урок.
Он во дворе играл в футбол,
В класс с опозданием вошёл,
За парту сел. Пыхтел, вздыхал —
Всё от футбола отдыхал.
Потом минуток пять, не более,
Он спорил с Колей о футболе.
И пять минут шептался с Петей,
Как он кроссворд решал в газете...
Потом записку написал,
Володе срочно отослал
И ждал, когда придёт ответ,
Пойдёт в кино он, или нет...
Потом решил достать тетрадь,
Чтобы урок с доски списать,
Но тут под стол упал пенал,
Потом перо он потерял,

Полез под парту он, под стол...
И кое-как его нашёл.
Списал пример, собрался слушать,
Вдруг захотелось ему кушать.
Достал из сумки он пирог...
И тут закончился урок...
Он дома жаловался маме:
— Совсем запутался с дробями.
Сегодня трудный был урок,
Я ничего понять не мог.

Есть у вас похожие
На этого Серёжу?

Невидимый художник

Е. Фейерабенд

Рисунки В. Крылова

Невидимый художник,
Как только все уснут,
Крадётся осторожно
К холодному окну.

Рисует он ночами
Деревья и листву,
Каких мы не встречали
Ни разу наяву.

По снежному раздолью
Кругом цветут цветы,
Каких не видел в поле
Ещё ни я, ни ты.

Но травы — будто иней,
И лес зачем-то сед.
Во всей большой картине
Ни капли жизни нет.

Давно проснулся город,
И солнышко взошло —
От сказочных узоров
Очистилось стекло.

И сам я так считаю,
Что солнышку милей
Трава лугов густая
И листья тополей.

Ему милее лето
И яркие цветы,
Что свяжем вновь в букеты
Весною я и ты.

КОЛХОЗНЫЙ РЫСАК

Е. Ружанский *Рисунок А. Измайлова*

Коля, Слава и Володя —
закадычные друзья.
Знали все,
что эту тройку
Разлучить никак нельзя.

Крепко-накрепко мальчонки
Полюбили жеребёнка.

Три ведёрка,
три скребка...
Три приятеля-дружка
И поили,
И кормили,
Мыли, чистили Серка.

Чтобы шерсть была почище,
Чтобы вдоволь было пищи,
Чтоб сказали им отцы:
— Ну и шефы! Молодцы!

Хорошо Серку весною:
Водят мальчики к реке,

Кормят сочною травою,
Что растёт невдалеке.

Все заботились о нём,
И жеребчик стал конём!
За лето налился соком,
На бега готов Серко.
Ноги тонкие, высокие
Несут его легко.

Ездоком послали Славу.
Он хороший всадник был
И, конечно же, по праву
Честь такую заслужил.

Через рвы скакать
и с кручи
Он не раз учил Серка...

Первый приз колхоз получит
За такого рысака!

Перочинный ножик

И. Пешкова

Рисунки Е. Гилёвой

— Так и сказали, что я зазнайка? Так и сказали, «его нужно проучить»? — Сашка Образцов возмущённо смотрит на своего приятеля Сима Шапкина и требует, чтобы он рассказал ему о собрании всё, как было.

Сашка болен. Собственно говоря, у него просто немного болит горло из-за мороженого, но мама ни за что не отпускает его в школу. Она говорит, что у Сашки ангина, которая очень вредно действует на сердце, и что лучше «выдержать её в помещении».

Эх! Знала бы мама, что, пока Сашку «выдерживали», вчера в классе прошло собрание, на котором много говорили о нём, Образцове.

— И чего им нужно, не понимаю? — с досадой говорит Сашка, сердито шмыгая курносым веснушчатым носом.— Какое им дело, как мы дружим?

— Вот-вот! — подхватывает Шапкин.— Я тоже говорю: какое вам дело? А они: «это, говорят, не дружба, а безобразие. Образцов не понимает, что так он Шапкина совсем испортит».

Сим обиженно умолкает, а потом снова (в который раз!) начинает рассказывать всё по порядку. Ну, сначала Лидия Петровна говорила, кто как учится. Потом все обещали исправить «двойки», а потом Серёжка Сергеев сказал, что Шапкину ни за что из отстающих не вылезти, потому что всё за него делает Образцов.

— Сашка потому выручает Шапкина, что тот его защищает,— сказал Серёжка.— Мы критикуем, а он защищает, в подхалимы лезет. Образцов и рад: вот, мол, какой у меня друг, не то, что вы! Только разве это дружба? Вот увидите, до первой ссоры...

Шапкин старался вспомнить все подробности, всё, что говорили ребята про него и Образцова. И получалось, что весь класс говорил об одном: у Образцова и Шапкина плохая дружба.

Ведь с чего всё началось? В шестом «в» павловской школы, где Сашке пришлось учиться после Никитовки, к нему относились совсем не так, как в прежней школе. В Никитовке постоянно превозносили «директорского сына» (отец у Образцова был директором крупного завода), Сашка привык к своему первенству и уже не мог без него жить. В Никитовке он всё мог, и ему всё прощалось.

А здесь, в новой школе, когда Образцов начал хвастаться своими знаниями по геометрии, ребята сразу осадили его, сказав, что их Ваня Тёмкин сможет решить задачу за пять минут и всё-таки никому с этим не «лезет в глаза».

В это время Сашка и подружился с Шапкиным.

Сказать правду, они были совершенно разные люди. Сашка с первого класса учился на одни пятёрки, разбирался во всех новых типах автомобилей, лучше всех во дворе плавал, собирал коллекции монет и минералов. А что Сим! Он еле-еле тянулся на тройки и интересовался только фотографиями киноактеров, которые добывал разными правдами и неправдами. Он мечтал стать киноартистом и мог с утра до вечера говорить об этом. Сашка каждый день ходил с Шапкиным в школу, и бесконечные разговоры о кино так надоедали ему, что он рад был отказаться от своего попутчика. Но ничего не поделаешь — дружба есть дружба, и приходилось терпеть.

Симу тоже доставалось на отрядных сборах и классных собраниях. И хотя его справедливо ругали за лень и безделье, Сашка чувствовал в нём товарища по несчастью и всегда горячо защищал.

Когда на последнем классном собрании, Сашку строго критиковали за отрыв от коллектива и зазнайство, Сим подошёл к Сашке после уроков и дружелюбно сказал:

— В общем ты не огорчайся. Ну их, подумаешь. Это из зависти, честное слово!

Сашка даже вздрогнул. Как ему раньше не приходило это в голову?

— Спасибо, Сим! — с чувством проговорил Образцов.— Ты хороший.

Потом, протягивая руку, горячо предложил:

— Хочешь, будем друзьями насовсем. Хочешь?..

Сим, потупившись, молча пожал Сашкины пальцы и не ответил.

Не мог же он сказать, что его тянуло к Образцову совсем из других соображений!

Ленивый, сонный Шапкин был в то же время человеком хитрым и расчётливым. Сим очень скоро понял, как можно завоевать Сашкино расположение и неизменно во всём поддакивал ему и льстил.

Это расположение Симу было абсолютно необходимо. Пусть Сашка был хвастуном и задирой, но ведь никто же не станет отрицать, что учится он всё-таки хорошо, а значит, ещё как может помочь ему!

При этом Шапкин, конечно, вовсе не имел в виду ту помощь, о которой всегда говорил их классный руководитель Иван Петрович: вместе зубрить уроки или сверяться с Сашкой, правильно или нет решишь задачу. Эти методы Сим решительно отвергал.

Всё началось с того дня, когда Шапкин попросил Образцова решить за него задачу. Сашка согласился. Он хоть не за пять минут, как Ваня Тёмкин, но, по крайней мере, за 10 расправится с любой математической премудростью. И что стоило ему выручить друга!

Потом так и пошло. Сделает Сашка свои письменные уроки — садится решать за Шапкина.

Одно было плохо: почерк у Сашки ломаный, непонятный и ему приходилось терять много времени, чтобы помочь приятелю разобраться в своих каракулях.

Но он не огорчался. Ведь Сим зато тоже всегда был ему верным товарищем. И пускай там Серёжка Сергеев, пускай даже весь класс говорит про него что угодно. Сашка ещё докажет им, какая у них дружба. Он для приятеля ничего не пожалеет.

Сашка придвинулся к Шапкину и торжественно сказал:

— Хочешь, я за тебя домашнее сочинение напишу? А ты потом перепишешь, ладно? Да ты не смущайся, мне это недолго.

Такого великодушия Сим не ожидал.

— Спасибо, Саша! Мы никогда не поссоримся. Правда?

— Вот чудак. Конечно, правда! Заходи завтра за мной, мне уже можно в школу. Заходи!

Дорога в школу не близкая, и от того, что говорить оказалось не о чем, было скучно.

— А я вчера шестой раз «Кубанские казаки» смотрел,— похвалился Сим, не смущаясь, что каждый день хвастается одним и тем же, с той только разницей, что одни фильмы он смотрел 5, другие 10 или 12 раз. Образцов не понимал такого увлечения, но, чтобы не огорчать приятеля, сказал:

— Да, кинофильмы расширяют кругозор.

Снова помолчали.

— А знаешь,— оживился Сашка,— я вчера прочитал, что горный хрусталь применяется в радиотехнике. Как ты думаешь, пригодится мне для радиоприемника мой камень из коллекции?

Сим ничего не думал. Радиотехникой он не увлекался. Сашке снова стало скучно, но он не мог не поделиться с приятелем ещё одной идеей.

— Как ты думаешь, если собирать всё, всё — ну, например, спичечные этикетки, пёрышки, открытки,— сколько можно коллекций составить?

Эта идея тоже не увлекла Шапкина, и разговор окончательно оборвался.

До школы нужно было ещё пройти Кузнечную, потом свернуть налево мимо почты и пройти метров двести окраиной городского сада. Всё вокруг было знакомо до мелочей, и от нечего делать Сим начал подталкивать ногой круглый серый камешек, который подвернулся ему под ноги. Стукнувшись о цветочную тумбу, камешек рикошетом отлетел в сторону и покатился за садовую скамейку.

Сим побежал за камнем, чтобы продолжать прежнее занятие.

И тут... Тут произошло неожиданное. За садовой скамейкой, рядом со злополучным булыжником, Шапкин увидел... перочинный ножик. И не какой-нибудь там ножик с одним лезвием и штопором, а настоящий, пятидесятирублёвый, с ножницами, пилочками, вилкой, о котором можно только мечтать, чтобы мама подарила в день рождения.

— Ну, что ты тут застрял,— спросил подошедший Сашка и нравоучительно продолжил.— Идём скорее, а то опоздаем. Слы...

Сашкин взгляд упал на то место, куда, как загипнотизированный, смотрел Сим.

— Мой,— закричал Сашка, цепко схватив находку, но не тут-то было.

— С какой стати твой? — возмутился Шапкин, стараясь разжать пальцы приятеля. Ты, что ли, его нашёл? Отдавай сейчас же!

— Ты ничего не понимаешь,— я этим ножиком открою коллекцию найденных вещей. Пусти, слышишь?

— Нужна мне твоя коллекция! Я на него три фотки Давыдова и пять штук Макаровой выменяю. Отдай!

Сим старался разжать крепко стиснутые Сашкины пальцы. Он кряхтел, пробовал подставить Сашке ножку, но ничего не получалось.

Тогда Шапкин перешёл к «психической» атаке.

— Директорский сынок! Хвастун! Белоручка! — щедро наделял он прозвищами своего приятеля, и видя, что тот почти не обращает на них внимания, распалялся ещё больше.

— Воображало несчастный! — надрывался Шапкин. — Думаешь, купишь меня своими задачками? Как бы не так! Решаешь — решай. На дураках, говорят, воду возят. Я бы и сам обошёлся, да тебя пожалел. Дай, думаю, пожалею человека, он же с целым классом перессорился.

— Ты? Пожалел меня?..

Ох, лучше бы Шапкин не говорил этих слов. Но было уже поздно. У Сашки даже губы дрожали от возмущения, а «ёршик» на макушке взъерошился ещё больше.

— Получай!

Сашка разжал пальцы и отбросил далеко в сторону злополучную находку. А когда, побежав за ножиком, Шапкин вернулся на прежнее место, Сашка уже был далеко.

В школе Сашка ни с кем не разговаривал, но Сим не огорчался. «Ничего, недолго будет злиться,— утешал он себя.— Всё равно без меня не обойдётся. Привык...» А чтобы Сашка чего доброго не подумал, что он, Шапкин, переживает из-за того, что случилось, Сим решил «для вида» тоже не разговаривать с ним.

И вдруг всё полетело кувырком. На уроке русского языка Николай Иванович сказал, что к следующему разу необходимо подготовить домашнее сочинение на тему: «Чему я научился за лето» и что оценки за него будут проставлены в журнал.

Сочинение! Для Шапкина это была настоящая катастрофа. По русскому языку его всегда лихорадило: два-три, два-три.

...В этой четверти в журнале против его фамилии тоже выстроились две «пары» и одна «троица». И если теперь он снова сорвётся, грозы не миновать. Печальный результат появится в табеле. Вот когда Симу понадобилась Сашкина помощь! Но теперь об этом нечего было и думать. Образцов сидел с каменным лицом и совершенно не замечал смятения своего соседа.

Прозвенел звонок, Сим не спеша собрал книги и уныло поплёлся к выходу.

Дойдя до двери, он всё-таки не выдержал.

— Слушай, Сашка,— умоляюще протянул Сим.— Слушай, Сашка, ну, что же теперь?

Образцов, казалось, только того и ждал.

— Что? — передразнил Сашка, стремительно повернувшись к Симу.— Может, ты сочинение захотел? Как же, дожидайся: как ты мне ножик, так я тебе.

— Саша,— перебил Сим тем же умоляющим, плаксивым голосом.— Ну что, там ножик... Хочешь, я тебе подарю его на время? Бери, пользуйся на... три дня...

— Три дня?

В глазах у Сашки блеснул злорадный огонёк, но Сим был не наблюдательный человек и ничего не заметил.

— Жди, Шапкин! Жди непременно! — весело прокричал Образцов и убежал вперёд один, впервые за все время изменив своему обычному спутнику.

На другой день у Шапкина с утра настроение было мрачным.

— Чего там,— рассуждал Сим,— теперь он ясно писать не будет — удрал вчера, ничего толком не сказал... Злопамятный.

До пятницы, когда нужно было сдавать сочинение, оставалось ещё четыре дня, и у Сима была единственная надежда на то, что за это время Сашка сменит гнев на милость.

Но в классе его ждала приятная неожиданность.

— Принёс,— неожиданно сказал в перемену Сашка.— Принёс... Я тебе там всё высказал, как мог...

Сашка протянул Симу новенькую неподписанную тетрадку и зачем-то начал собирать книги.

Но Шапкину некогда было обращать на это внимание.

Принёс! Как неожиданно быстро исполнилось его заветное желание! Ведь если Сашка постарался, значит, сочинение Шапкина получилось на славу, и он впервые в жизни получит «пятёрку» по русскому языку.

Не сдерживая больше своего восторга, Сим выхватил из рук Образцова синюю тетрадь и, выскочив на середину класса, победно замахал ею у носа вечно выступавшего против него на собраниях Серёжи Сергеева.

— Конечно, у тебя Шапкин всегда плохой. Я знаю, А я вот сочинение раньше вас всех... Моё сочинение...

— А ну, покажи,— сосредоточенно нахмурив брови, Серёжка быстро выхватил из рук Шапкина новенькую неподписанную тетрадку и, раскрыв её, разочарованно протянул.

— Тоже, нашёл, чем хвастаться — схватил чужую работу и воображает. Думаешь, если неподписанная, так по почерку не видно?

Сим пробовал было рвануть обратно злополучное сочинение, но не тут-то было.

— Постой, постой,— решительно отвёл он руку Сима.— Давай уж до конца разберёмся.

И тоном, каким он обычно читал Шапкину нравоучения на собраниях, Сергеев издевательски продолжал.

— Ну разве тебе написать, как Сашка? Разве ты умеешь, как он?

Серёжа уткнулся в тетрадку и недоумённо поднял глаза на Образцова. Потом он снова пробежал глазами написанное и, вскочив на парту, неожиданно закричал:

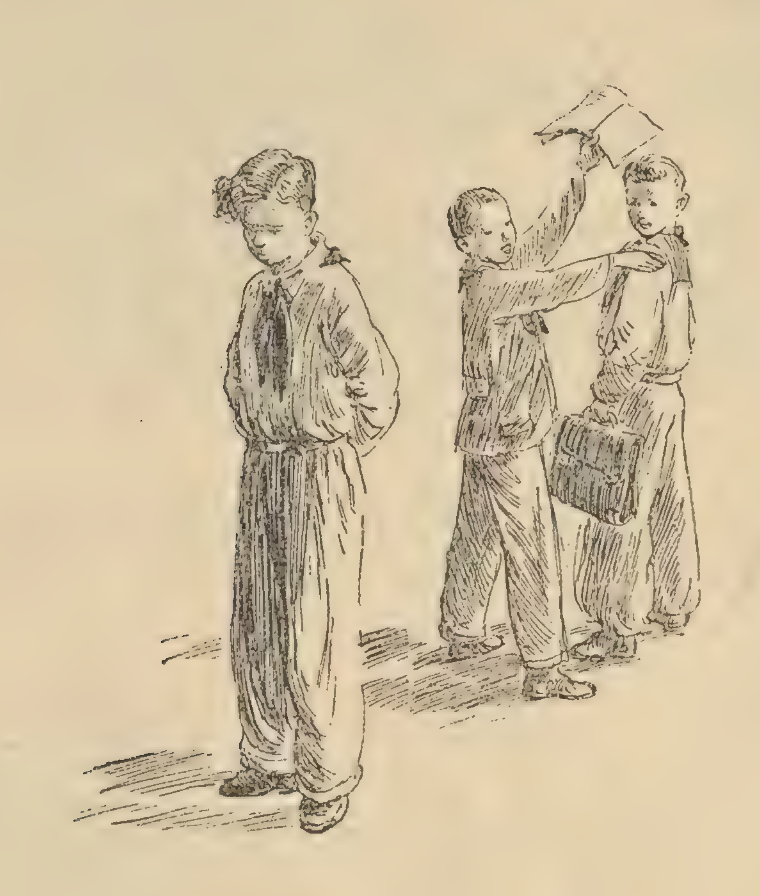
— Ребята! Да вы только послушайте, что Образцов пишет! Вот это да! Нет, вы слышите?

«Эх, ты, будущий кинодеятель, Серафим Шапкин! Ну чему ты мог научиться за лето? Задачи решать и то не умеешь — мои слизываешь. Разве только никто лучше тебя не знает, как выменять Ладынину на Лемешева и один кадрик «Адмирал Ушаков» на несколько из «Трактористов». Да только это никому не нужно.

А друг ты, и правда, ерундовый, до первой ссоры. Лучше уже Серёжку слушать, тот хоть в глаза правду говорит, а ты... Эх, артист!..»

...Шапкин рванулся вперёд, да так и застыл на месте.

А Сашка... Сашка не спеша застегнул портфель и, ни на кого не глядя, молча перешёл на последнюю парту, за которой давно уже никто не сидел.

Зелёное золото

Ол. Коряков *Рисунки Л. Хайбулина*

Разве золото бывает зелёным? Ведь оно жёлтое!

Правильно. Но этот рассказ — не о нём. Этот рассказ — о лесе.

О лесе? Причём же тут золото?

А вот прочитайте до конца — узнаете...

В лесу вы, конечно, бывали. Хорошо в нём, особенно летом. Плещется на ветерке листва деревьев, разбежавшихся по опушке. Почти недвижимы суровые гиганты в глубине леса. Их очень много — не сосчитать! И все деревья походят друг на друга. Все они высокие, у всех есть ствол и ветки.

Но если приглядеться, мы увидим, что деревья в лесу растут разные.

Вот развесили кружево листвы ветви с длинными шершавыми «серёжками». Колышутся, поблескивая на солнце, мелкие,

с зазубринками шелковистые листья. Это всем знакомая кудрявая берёза. Она очень любит солнце и изо всех сил тянет свой белый ствол ввысь.

А вот липа, та хорошо чувствует себя и в тени. В липовом лесу всегда царит прохладный полумрак. Небо почти не просвечивает через густую листву. А листья у липы крупные, широкие. Они дружно теснятся на ветвях.

Едва ли среди вас есть такой, кто не видел бы берёзы. Да и липу тоже видели. Этих деревьев у нас на Урале много.

А кто из вас видел дуб? Не на картинке, а в лесу?

Дуба на Урале мало. Он любит края потеплее. Это дерево знаменитое: оно упоминается во многих песнях, и всюду его называют могучим. А об очень сильных и выносливых людях говорят: «Крепок, как дуб».

Он, действительно, могуч. Взрослый человек рядом с ним кажется малюткой. И листья у дуба большие и крепкие. А на ветках висят орехи — жёлуди. Только люди не едят их, они не съедобные.

Там, где растёт дуб, растёт и клен. Это дерево издали походит на дуб, только ствол у него потоньше. Но если подойти поближе, сразу заметишь особую форму листьев. Они напоминают кисть руки с сильно растопыренными пальцами. По листьям клён легко отличить от других деревьев.

Берёза и липа, дуб и клён — всё это лиственные деревья.

Когда наступает осень, они теряют свой наряд. Листья их сначала желтеют, становятся оранжевыми, красными и бурыми, а потом опадают. Оторвётся листок — и падает беззвучно и грустно. За ним — другой, третий... И вот уже пышный ковёр из листьев устилает землю. А на деревьях листьев становится всё меньше. Налетит, зашумит ветер — деревья трепещут, последние листки срываются с них и всё падают и падают на землю.

Сыплется с неба колючая снежная крупа. Холодно деревьям. Стоят они неприютные, голые, закоченевшие — словно мёртвые.

Но оглянитесь вокруг. Что это за красавица такая высится в сторонке? Яркая, зелёная, словно летом.

Да это же ель, ёлка!.. Она всегда зелёная — и летом, и зимой.

Всмотритесь внимательно в еловую веточку. Лучше всего через увеличительное стекло. Вы приметите, что иголочки ели — это сложенные вдоль узкие и длинные листья.

Такие иголки называют хвоёй, а деревья — хвойными.

Лиственные и хвойные деревья ведут себя по-разному только зимой. А летом — одинаково.

Вы заметили, что в чаще леса на нижней части стволов почти нет веток? Торчат лишь высохшие сучья. Отчего бы?

А оттого, что деревьям не хватает солнца, солнечного света. Вот они и тянутся повыше к небу, стараясь обогнать друг друга.

Деревья — высокие, стройные, стволы у них длинные и толстые. А под ними лепятся к земле невысокие растения, у которых по нескольку стволов, и стволы перепутались с ветками. Это кустарник.

Какие вы знаете кусты? Смородину. У неё вкусные ягоды.

Шиповник с яркими, похожими на розы, цветами. У шиповника красные мясистые ягоды, внутри которых не очень приятные колючие иголочки. Много на Урале вереска. Его ещё называют: можжевельник. Из вересковой ветки можно сделать хороший лук, прочный и пружинистый.

Вы знаете и другие лесные растения. Это — трава, мох, лишайник. А вот, усыпанный ягодами, тянется вверх карликовый куст черники. Рядом прячется под широким зубчатым листом наливная костяника. Склонились к земле под тяжестью ягод тоненькие стебельки земляники.

Не хуже ягод известны вам, наверное, и грибы. У пенька притулился пузатый подберёзовик. Вылезает из-под опавшей хвои груздь-крепыш. В траве близ обочины дороги расположилось дружное семейство маслят... Хорошо в лесу! Везде хорошо: на уютной поляне и в тени соснового бора, в зарослях кустарника и на чистом берегу лесного говорливого ручья. Всегда хорошо: летом и зимой, весной и осенью.

Но лес привлекает людей не только своей красотой.

Взгляните-ка: торчат пни срубленных деревьев, лежат поваленные сосны, и тут же — люди с электрическими пилами.

Стальные зубья пилы легко вгрызаются в податливую древесину. Вот качнулось, затрещало дерево, помедлило немного, а потом наклонилось и с шумом, ломая ветви, рухнуло на землю. Рядом упало второе, третье, десятое, двадцатое...

Подминая кусты, переваливаясь через пеньки, трактор поволок громадную связку стволов. Он подтащил их к железной дороге, оставил тут, а сам поехал за новой связкой.

Это идёт заготовка леса.

Зачем его так много?

Наденем, как в сказке, сапоги-скороходы и пройдёмся по нашему Уралу, посмотрим, куда и зачем отправляют заготовленный лес.

Вот мы шагнули два, три раза — и оказались в незнакомой деревне. На окраине её лежат брёвна, совсем такие же, как те, что тащил трактор. Проворные плотники острыми бойкими топорами обтёсывают их. Рядом гудит и звенит электропила. Она режет брёвна на доски.

Из стволов деревьев строят дом. Бревно за бревном — под-

нимаются стены. Столяр строгает доски и рейки, сколачивает и вставляет оконную раму. Когда будут готовы стены, плотники поставят стропила, на которые ляжет крыша.

Но дома строят не только так. Некоторые дома изготовляют на заводах.

Вы, конечно, видели такую игрушку — сборный домик. Лежат в коробке дощечки и планочки, начнёшь приставлять их друг к другу — получается избушка.

Это игра. На заводах же изготовляют настоящие, большие дома.

А ну-ка, сапоги... Минута — и мы на таком заводе.

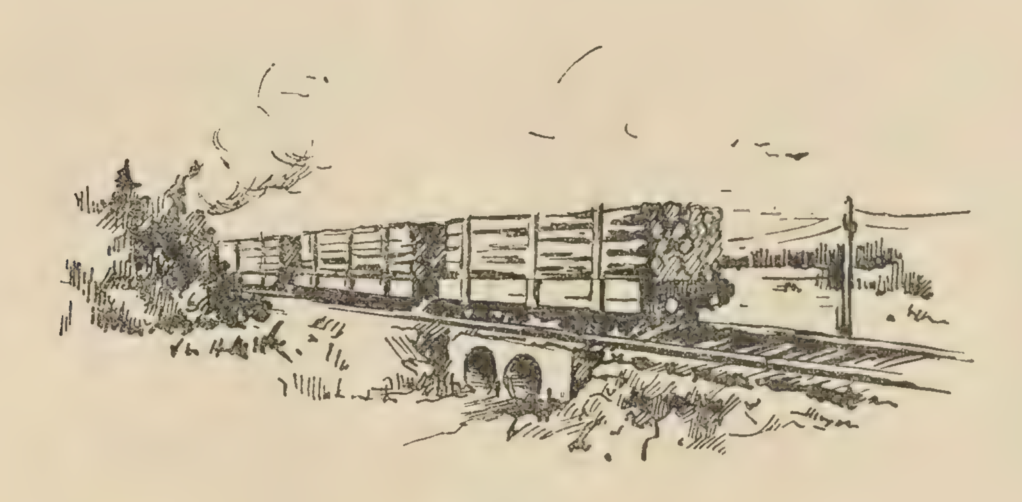
Здесь тоже работают плотники и столяры. Только не обычные, не люди, а машины. Они режут дерево, строгают, пилят. А люди только наблюдают за их работой, управляют ими, а потом из деревянных деталей, которые приготовлены машинами, собирают части дома: стены, потолки, двери, оконные рамы, полы.

Эти части люди грузят на автомашины и везут туда, куда им нужно.

Шагнём туда и мы.

Дымит новый гигантский завод. Он появился совсем недавно. А где будут жить рабочие? Для них воздвигают дома. Сюда и спешат автомашины.

Дом собирается по частям. Взяли стеновой щит, приставили к фундаменту, подняли — и стена готова. Приставили второй щит — готов уже угол дома. Уложили готовый пол, потолок, прикрыли крышей и — пожалуйста, дорогие товарищи, вселяйтесь!

И вот подъезжает сюда уже другая автомашина. Из кузова её торчит фикус, виднеются стулья, радиоприемник... Это приехали жильцы. Они начинают разгружать машину и вносить вещи в дом.

Что же мы видим? Диван, столы, шкаф, табуретки — ведь всё это из дерева.

Лёгкая витая этажерка, корзина для белья, раскрашенная посуда, что стоит на этажерке,— эти вещи сделаны из берёзы. Стол и шкаф — дубовые. Табуретки — из сосны. А вот игрушки — разноцветная пирамидка, кубики с картинками, расписные матрёшки, бурый мишка — эти игрушки выпилены и вырезаны из липы.

Деревянные изделия вы найдёте не только в квартире.

Шофёр, который привёз жильцов в новый дом, закрывает борт грузовика. Борт — деревянный.

Мчится среди полей товарный поезд. Вглядитесь, стенки вагонов совсем такие, как у грузовой машины.

За железнодорожной линией вы видите реку, а на ней — множество лодок. Лодки эти из чего?

Над водой повис деревянный мост. По нему проезжают телеги, а на них — дрова.

Тянутся вдоль улицы телефонные и телеграфные столбы.

На полках мануфактурного магазина лежат кипы штапельного полотна, из которого мама может сшить вам платье, рубашку, кофточку. Оно — тоже из дерева.

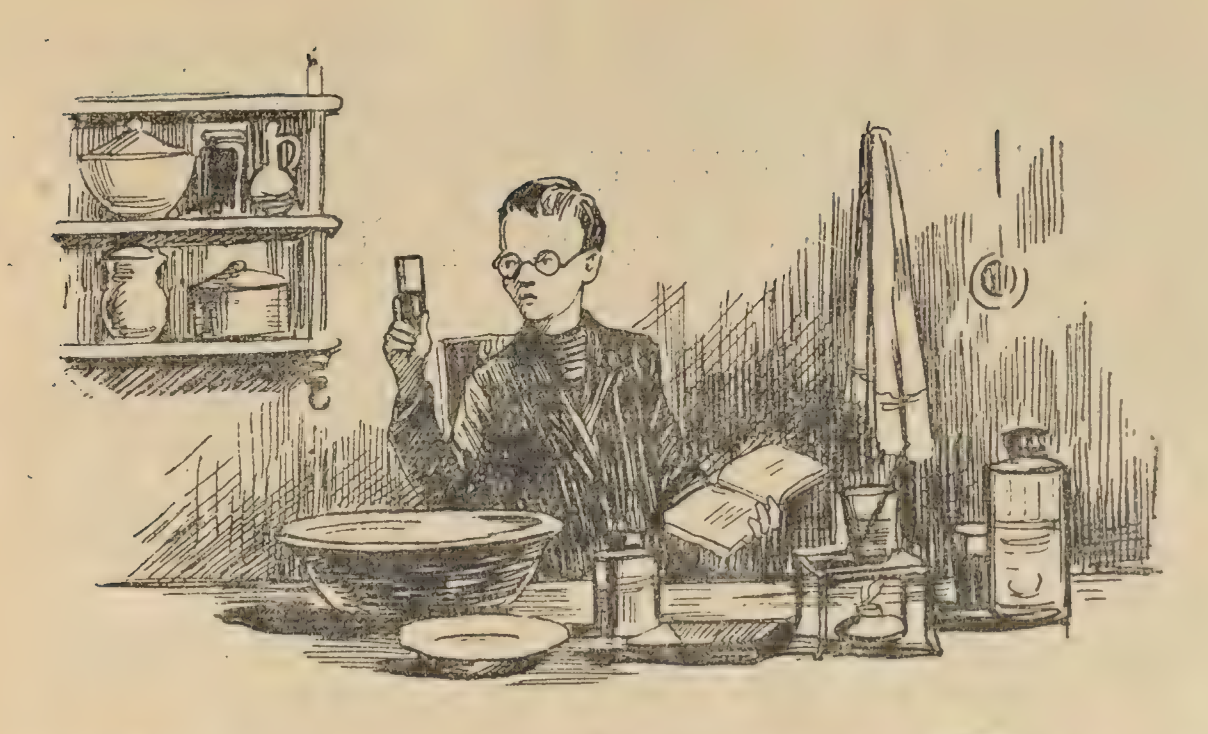
Дерево окружает вас и в школе: классная доска, парты, карандаши, ручки, пеналы, линейки — всё деревянное. Из дерева и бумага ваших тетрадей и книг.

Вот как много, оказывается, вокруг нас дерева! А ведь я перечислил не все деревянные вещи. Вы сами сможете назвать их ещё не один десяток. Попробуйте-ка, кто назовёт больше?

И всё это даёт нам зелёный друг человека — лес.

Поэтому люди часто говорят про лес: «зелёное золото»...

Мягкий металл

Б. Дижур

Рисунки В. Яковлева

Было мне не более семи лет, когда случилось то, о чём я хочу рассказать. Среди ребят, населявших нашу шумную, весёлую улицу, изредка появлялся долговязый паренёк в аккуратно застёгнутом пиджаке и плоской кепочке.

У него были большие красные руки и близорукие глаза. Он носил очки, и ребята дразнили его «профессором кислых щей».

Впрочем, не только очки давали повод к этой кличке. Говорили, что он работает учеником в какой-то лаборатории, таскает оттуда всякие порошки и «химические» банки и продымил какими-то «опытами» весь домик своей бабушки, где жил после смерти матери. Каждый раз, завидя его, ребята кричали:

— Профессор кислый щей, покажи опыт!

И случалось, что «профессор», ничуть не обижаясь, отвечал:

— Пойдёмте, покажу, только, чур, не всё сразу...

Так перебывали у него на «сеансах» показа опытов многие ребята не только с нашей, но и с соседних улиц.

Однажды и мне посчастливилось попасть в просторную кухню «профессорского» дома, которая громко именовалась «лабораторией».

Пришло нас человек двенадцать. Мы чинно расселись на полу у стенок, наблюдая, как наш «профессор» расставляет на кухонном столе тарелки, узкие стаканы, аптечные склянки с жидкостями, маленький эмалированный таз, спиртовую горелку.

С того дня прошли десятки лет. Но как свежи в памяти эти воспоминания! Отчётливо помню каждое движение нашего «профессора», его важную серьёзность и сосредоточенность. Помню и собственное волнение при виде того, как две бесцветные жидкости, слитые в один стакан, вдруг приобрели малиновый цвет. Как затем от нескольких капель третьей жидкости яркий цвет исчез.

Помню, на глазах у всех сама собой зажглась свеча: ахнули изумлённые «зрители», а «профессор» снисходительно улыбнулся:

— Здесь нет никакого чуда. Просто на свечке у меня была насыпана смесь бертолетовой соли с сахаром. А на стеклянной палочке, которой я прикоснулся к свечке,— капелька серной кислоты.

Один за другим следовали чудесные опыты. «Профессор» сопровождал их объяснениями. Так и сыпались с его языка мудрёные названия, которые не только запомнить, но и повторить в то время было бы для меня непосильным трудом.

— А кто хочет сам сделать опыт? — спросил наш «профессор», польщённый восторженным вниманием слушателей. Понятно, что желающими оказались все присутствующие. И я со всеми вместе тянула руку и кричала: «я! я!».

И произошло необыкновенное... «Профессор» указал на меня:

— Пусть идёт самая маленькая.

И вот я выхожу на середину кухни, дрожащей рукой беру протянутую стеклянную палочку, которая кажется мне волшебной.

— Макай палочку сюда,— указывает «профессор» на одну из склянок,— и рисуй на этой бумажке. Рисуй, что хочешь.

Я так и делаю. Макаю палочку и вывожу на бумаге кружочки и черточки, стараясь изобразить человека. Но на бу-

мажке остаются только мокрые бесцветные следы. Ребята смеются надо мной. А я готова заплакать от неудачи и стыда.

— Рано смеётесь...— загадочно говорит наш «профессор» и пододвигает ко мне горящую спиртовку:

— Суши свой рисунок.

Я покорно выполняю приказание.

— А теперь опусти сюда.

«Профессор» выливает из большой банки в таз какую-то бесцветную жидкость. Я опускаю в неё бумажку, и вдруг на ней отчётливо вырисовывается весь мой старательный рисунок. Он кривоват. Глаза оказались около рта. Ноги выросли прямо из подбородка. Но всё же это человечек, яркожёлтого, яичного, цвета.

Но самый эффектный опыт, так сказать, «гвоздь програм-мы», был показан нам на прощание.

Поправив очки и подвязавшись кухонным полотенцем, наш уважаемый «профессор» достал из шкафа ещё одну банку, закрытую плотной стеклянной пробкой.

Осторожно открыв её краем полотенца, он предложил нам подходить по одному и нюхать содержимое банки. Мы охотно выполнили это, но из банки пахло всего только керосином.

— Правильно,— важно сказал наш «профессор».

Он достал из банки блестящий, как серебро, большой кубик, отрезал от него перочинным ножом маленький кусочек и бросил в ковш с водой.

Быстро-быстро забегал блестящий кусочек по воде. Он кружился и шипел и на наших глазах делался все меньше и меньше. Мы съежились в ожидании страшного взрыва, но его, к нашему сожалению, не произошло.

— Этот металл называется натрием. Видели, как он плавал по воде? А потом исчез. Куда? Он соединился с водой, и она стала щелочью. Вот, смотрите, бумажка из красной стала синей.

Металл, блестящий, как серебро, но мягкий, как голландский сыр, надолго поразил мое детское воображение.

Натрий! Само слово звучало, как имя сказочного существа. Стеклянная банка с мутным жёлтым керосином, в котором находился удивительный металл, представлялась мне душной тюрьмой. В ней томился пленённый натрий. А так хотелось освободить его из керосинового плена, дать ему вольно побегать по воде. Да не в ковше, а на городском пруду. Вот был бы треск!

Много лет спустя, на уроках химии в школе и даже позднее, на лекциях в институте, я с благодарностью вспоминала своего первого «профессора» и его химические опыты.

Может быть, благодаря ему, химия стала любимым предметом. Теперь его нет в живых. В годы Великой Отечественной войны он был уже научным работником Ленинградского университета и погиб, защищая свой город. Но память о нём жила в моём сердце и будет жить всегда.

Когда в школе мне снова пришлось увидеть натрий, у меня было такое чувство, словно я встретила милого старого друга.

Но теперь я, как и другие ребята нашего класса, уже понимала, что натрий, спрятанный в керосине, не пленник, что это и есть его единственное свободное состояние, какого в природе встретить невозможно.

Если вынуть натрий из керосина, держать его открытым на воздухе, он тотчас начнёт изменяться. Его серебристый цвет исчезнет, он покроется белым налётом, и весь кусочек металла разрушится, сгорит от действия воздуха и влаги. Через некоторое время от металла натрия не останется и следа. Он словно наденет шапку-невидимку и спрячется в какие-то новые вещества, которые из него образуются.

В природе никто никогда не находил свободного металлического натрия. Пользуясь всякими ухищрениями, его освобождали, извлекали из тех веществ, где находятся его невидимые частички.

Одно из них всем хорошо известно. Это — соль, которую мы каждый день употребляем в пищу. Мельчайшие частички натрия в ней крепко-накрепко соединены с частичками хлора.

Однажды мне посчастливилось познакомиться с хлором. Это оказался противный удушливый газ жёлтого цвета. Стоит только чуть-чуть вдохнуть в себя этот газ, как тотчас начнётся кашель, а из глаз побегут слёзы.

Куда же девается блеск натрия, цвет и запах хлора, когда их мельчайшие частички, соединившись вместе, образуют соль?

Ведь соль совсем иная! Белая, кристаллическая, солёная на вкус.

Эти мысли не могут не волновать каждого, кто сколько-нибудь задумывается над явлениями природы. Натрий, когда-то представлявшийся моему детскому воображению сказочным существом, при ближайшем знакомстве обнаруживал новые таинственные черты. Хотелось как можно больше узнать о нём.

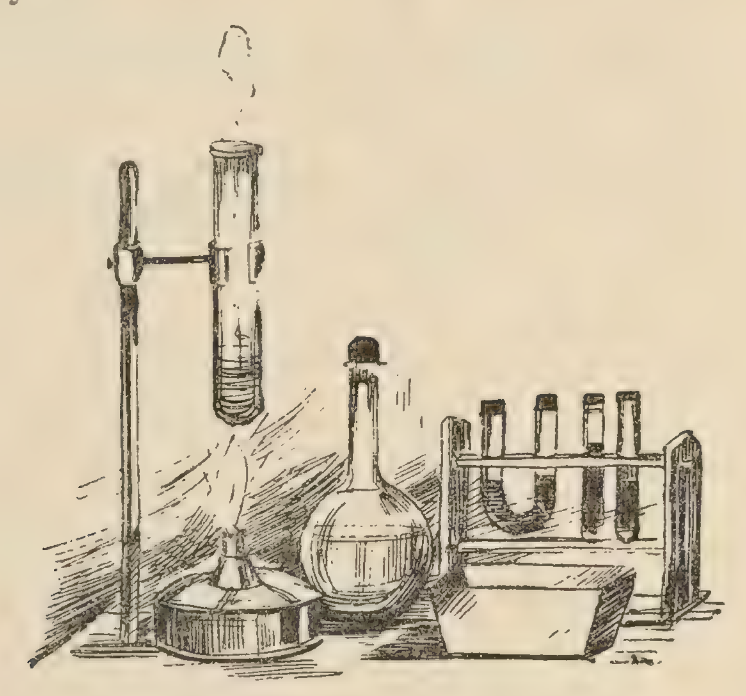
Но вскоре на уроках химии пришлось услышать о многом другом, не менее удивительном. Учитель рассказал нам, что все окружающие нас вещества: вода и чернила, хлеб и сахар, дерево и камень, так же, как и соль, неоднородны. Они составлены из различных, не похожих друг на друга частичек.

Например, вода состоит из кислорода и водорода, и тот и другой, если увидеть их каждый отдельно,— газы. А когда их

мельчайшие частички соединились между собой, получилась вода. И теперь, чтоб разъединить их, нужно применить очень большую силу. Например, силу электрического тока. В сахаре тоже есть кислород и водород, но, кроме них, в сахаре ещё есть углерод. А углерод входит в состав дерева, хлеба, картофеля и даже в состав человеческого тела.

Так постепенно выяснилось, что знакомый мир с его зелёными травами, яркими цветами, прозрачными водами рек и суровыми горами полон тайн и загадок. Хотелось без конца узнавать: а из чего это состоит? А это?

Все эти загадки может решить только химия. Вот почему со школьных лет она представляется мне одной из самых занимательных наук.

НА НОВОЙ КВАРТИРЕ

Д. Мазрухо *Рисунки В. Игошева*

В нашем городе строится большой завод. Уже выстроено много корпусов, а над ними возвышаются две огромные трубы, и каждая из них выше самого высокого дома.

Коля очень любит смотреть, как машины везут на стройку длинные доски, кирпич в железных корзинах и уже готовые окна, только без стёкол.

Мама ушла из дому и сказала:

— Не бегай по дороге — машина задавит.

Коля и не бегает, он стоит у ворот и смотрит.

— Вот здорово! На дверцах одной машины нарисованы десять звёздочек, на другой — пять, на третьей — две звёздочки. Машины едут тихо, покачиваются — тяжело нагружены.

Колин папа работает каменщиком на стройке. Он строит большие дома. Вечером Коля спрашивает папу:

— Почему на машинах звёздочки нарисованы?

Папа объяснил:

— Звёздочки означают, что водитель машины проехал много километров без ремонта машины. Чем больше звёздочек, тем больше километров проехала машина.

Коля слушает папу. Ему очень интересно.

— Как же это без ремонта? — не понимает он.

Коля поставил свой стул поближе к папе, и папа продолжал рассказывать:

— Шофёр машину бережёт, ездит осторожно, ухаживает за ней, вот машина и не ломается, потому и без ремонта.

Коля с мамой и папой живут в небольшом домике. Тесно в комнате, играть в прятки негде. А как он любит прятаться! Зайдёт за шкаф, притаится, как настоящий разведчик.

Летом Коля помогает маме по хозяйству. Вместе с мамой носит воду со двора — мама в большом ведре, он — в маленьком. Зимой Коля приносит дрова из сарая. Сразу много не берёт, а по одному полену притащит, сколько нужно.

Папа пришёл сегодня с работы радостный. Он умылся и начал бороться с Колей. Не так-то легко побороть Колю! Пришла и мама с работы. Она, конечно, рассердилась, что папа и Коля устроили беспорядок в комнате.

Папа взял Колю на руки, как маленького, и подбросил под потолок.

— Мы переезжаем на новую квартиру!

Ну и обрадовался Коля! Он запрыгал, как козлёнок, и стал тащить папу за руки:

— Идём складывать вещи!

А мама сказала:

— Будем ужинать.

— Не хочу кушать, поедем на новую квартиру,— отвечает Коля.

Папа сел к столу и сказал строго:

— Кто же переезжает на ночь глядя? Сейчас же иди ужинать!

Коля быстро проглотил хлеб с маслом, выпил чаю и побежал собирать игрушки.

Папа принёс из кухни большой картонный ящик и велел складывать игрушки в него.

«Ну,— думает Коля,— я сейчас быстро всё уложу».

Очень он спешил. Раз! два! — набросал в ящик детскую посуду, мишку, собачку, лошадку, потом бросил молоток, рубанок, паровоз, машины.

Потряс ящик, чтобы лучше уложились игрушки.

— Уф, наконец, готово!

Пришла мама, посмотрела на ящик с игрушками, да так и ахнула: бедного мишку придавил паровоз, на собачке лежал самолёт, а на лошадку колёсами наехал грузовик.

— Кто же так складывает? — спросила мама.— Сперва положи тяжёлые вещи, посуду заверни в бумагу, чтобы не разбилась, сверху положи мишку, собачку и другие лёгкие

игрушки. Коля послушал и переложил всё в коробке, устал, даже жарко стало.

Папа проверил и похвалил:

— Молодец!

Коля рад, что сделал, как надо.

Переезд был назначен на завтра: завтра выходной день.

Утром Коля проснулся рано-рано. Мама и папа уже складывали вещи. Оделся Коля и начал помогать маме — приносил тарелки и чашки, да так быстро, что она не успевала заворачивать и класть в ящик. Скоро приехала машина. Коля влез в кабину. Дяденька-шофёр дал ему погудеть.

В машине на руле такой кружок, как пятачок, только побольше. Как нажмёшь — гудит. На машину погрузили шкаф, диван и другие вещи. И Колину коробку с игрушками тоже.

Когда они подъехали к новому дому, у дома уже стояли три машины с вещами.

Посмотрел Коля, дом высокий-высокий.

— Ну, и большущий дом! — радостно воскликнул он.

А папа с гордостью сказал:

— Десять этажей.

— Ты, папочка, дом строил?

— Да, я строил и ещё много людей со мной строило.

Перед домом красивый сквер, только деревья тоненькие — не выросли ещё.

«Здесь я буду играть»,— подумал Коля.

Вещи все выгрузили из машины, и папа сказал:

— Пойдёмте в дом.

Мама и папа взяли чемоданы, Коле дали корзинку. Только Коля собрался бежать по лестнице, как папа говорит:

— Стой, не спеши!

— Почему «не спеши»? — спрашивает Коля.

Папа взял Колю за руку и подвёл к стене. Показывает — железная дверь. На ней сетка из проволоки сделана. Пусто за дверью — ничего нет.

Папа нажал какую-то кнопку в стене. Загудело что-то несильно, и вниз спустилась будка. Доехала до пола — остановилась. Папа отворил железную дверь и говорит:

— Входите, пожалуйста.

Все зашли в будку. Папа захлопнул железную дверь.

А Коля вертится в будке, всё рассматривает.

Будка, как телефонная, только больше. На стене много кнопочек. Одну кнопку папа нажал. Вдруг загудело, пол в будке дрогнул, и она поехала вверх. Ой, как испугался Коля! Он схватил папу за руку и держится крепко, а сам говорит:

— Я не боюсь, ни капельки не боюсь! — И тут же спрашивает: — А будка не сорвётся? Как она едет?

Папа всё объяснил:

— Сейчас мы едем в лифте. Не будка это, а кабина. Кнопку нажмёшь — электрический мотор подымает и опускает кабину на толстых железных канатах.

Кабина остановилась. Коля сразу подскочил к двери, но как открыть, не знает.

— И совсем не страшно ехать. Хорошо в лифте, только быстро приехали,— говорит.

Отворил папа дверь и сказал:

— Вот и седьмой этаж, здесь наша квартира.

Зашли все в квартиру, в глаза ударило солнце. Огляделся Коля. Как хорошо! Какие большие и светлые комнаты! А полы блестят, как зеркало!

Папа и мама пошли за вещами, а Коля стал осматривать квартиру.

Видит — дверь какая-то, вошёл, открыл, а это шкаф.

Влез туда, стучать начал в стенки и топать ногами. Вошла в комнату мама и спрашивает:

— Ты что здесь делаешь?

— Я проверяю, для чего этот шкаф.

А мама повесила в шкаф своё и папино пальто.

Мама снова ушла за вещами, а Коля пошёл дальше. Открыл какую-то дверь, видит — большая ванна. Над ванной два крана, а ещё выше, под потолком, висит трубка, как лейка огородная, с маленькими дырочками.

— Это интересно! — сказал Коля. Выглянул — ни папы, ни мамы нет.

Тогда Коля влез в ванну и давай крутить кран. Вдруг сверху из лейки с шипением полились тонкие струйки воды, прямо ему на голову. Испугался Коля, то в один конец ванны

побежит, то в другой, потом начал вылезать. Пока вылезал, весь вымок.

Пришёл папа, посмотрел, покачал головой:

— Ты что, Коля, делаешь?

— Хороший душ,— говорит Коля.

Закрутил папа краны, достал из чемодана полотенце и вытер Коле голову. Потом надел другую рубашку, трусы и повёл с собой.

— Вот это кухня, здесь стоит плита.— Ну-ка, проверим.

Не понимает Коля, что «проверим».

Достал папа из кармана спички и повернул маленький краник на плите. Зажёг он спичку и поднёс к плите. Вдруг — «пых»! — и зажёгся огонь.

Коля отбежал. К плите не подходит. Видит, огонь горит синими языками. Папа краник ещё открутил, язычки пламени стали ещё больше. Закручивает папа краник — язычки становятся меньше, меньше, и огонь погас.

Коля спрашивает папу:

— Почему огонь зажёгся, ты же керосин не наливал?

— Это газовая плита. Вот, видишь, здесь четыре горелки, где огонь горит. В трубках плиты находится газ, называется светильный. Этот газ горючий, зажжёшь спичкой — горит. На плите мама будет готовить обед.

— Хорошо как! — воскликнул Коля и попросил: — Покажи ещё чего-нибудь.

— Ну вот, смотри, — говорит папа и показывает на стене какие-то трубы.

— А я знаю, что за трубы! — закричал Коля. — Это — паровое отопление, ты маме рассказывал. А как же трубы греют?

Папа объясняет:

— В нашем доме в подвале есть

большой котёл. Нагревают в нём воду, горячую-горячую, и пускают в эти батареи. Зимой батареи днём и ночью греют комнаты.

— Вот хорошо, значит, не нужно носить дрова и топить печи,— говорит Коля.

— Ну, конечно,— отвечает папа.

Потом папа открыл небольшую дверку в стене кухни и появился оттуда как будто ящик, только небольшой.

— Зачем ящик? — спрашивает Коля.

Папа несколько раз открыл и закрыл ящик и попросил Колю:

— Положи сюда вот эту старую газету.

Коля живо смял газету и положил. Папа затворил дверку. Исчез в стене ящичек. Снова папа вынул ящик и говорит:

— Смотри, Коля!

— Посмотрел — газеты в ящичке нет.

Коля не поверил своим глазам, подскочил к стене, поглядел ещё и спрашивает:

— Куда же она делась?

Папа засмеялся:

— Вот мама обед приготовит, а весь мусор в ящик положит, закроет дверку, мусор из ящика опустится вниз по большой трубе. Это называется мусоропровод. Маме не нужно будет носить мусор вниз.

— Ой, как хорошо! — радостно сказал Коля и спросил:

— А в других квартирах есть душ, газовая плита, батареи и мусоропровод, или у нас только? На старой квартире ничего этого не было.

Папа улыбнулся и сказал:

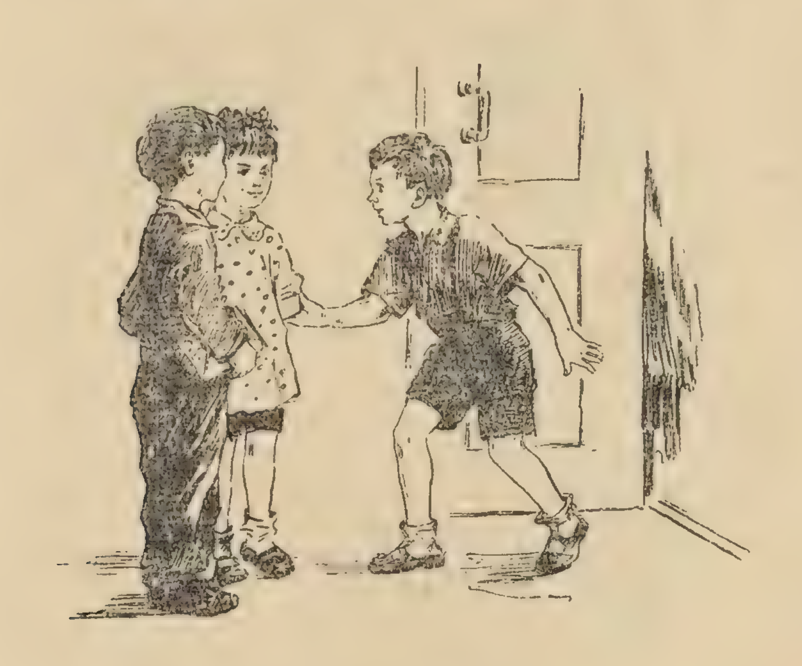
— Во всех квартирах есть всё, что у нас, чтобы людям жилось удобно и легко.

— А теперь пойдём на балкон.

Коля с папой и мамой вышли на балкон.

Ах, как красиво! Отсюда видно далеко. Внизу люди маленькие-маленькие, а вокруг — дома.

— Вот наш завод,— кричит Коля,— видите, большие трубы, а маленький домик, в котором мы жили, не видно. Придут мои товарищи в гости — покажу им всё-всё, покатаю на лифте. Хорошо жить в новом доме!

В метро

Лев Сорокин

Рисунки А. Немирова

Ты никогда
Не бывал под землёй?
Видишь, под землю
Мы сходим с тобой.

Лестница
Вниз
Продолжает
Свой бег,
Лишь
На ступеньку
Встает
Человек.

А под землёй
Беломраморный зал.
А под землёй
Настоящий вокзал.

Спутник мой
С гордостью вдруг указал:
— Видишь, в Москве
Мы встречаем Урал.

Мрамор уральский
На стенах блестит
И об Урале
Москве говорит.

Поезд подходит,
Призывно гудит.
В красной фуражке
Дежурный стоит.

И под землёю,
И под рекой
Вдаль мы помчались
В вагоне с тобой.

Снизу земля
И над нами земля.
Так мы прокатимся
Мимо Кремля?

Вот беломраморный зал
На пути.
— Вы не выходите?
Дайте пройти!

Вот
На ступеньку
Встаёт
Человек.
Лестница
Вверх
Совершает
Свой бег.

Вновь на земле
Мы с тобою стоим.
Прямо к Кремлю
Мы с тобою спешим.

Представим себе на минуту, что ни в школе, ни дома нет ни одного портрета, нет картин и рисунков, что в праздник на улице нет плакатов и транспарантов, что из детских книг исчезли все картинки... Как серо и скучно показалось бы всё кругом, какими неинтересными стали бы книжки...

Чтобы лучше понять огромное значение для людей изобразительного искусства, рассмотрим несколько примеров.

Мы хорошо представляем себе лицо Александра Сергеевича Пушкина. А между тем, мы его не видели. Он умер более ста лет назад. Даже по описаниям нам было бы трудно представить себе облик великого русского поэта, если бы художники Кипренский и Тропинин не написали его портретов.

Летом, гуляя в поле, в лесу, мы видим зелёные травы, деревья, речку и небо. Мы отдыхаем, у нас хорошее, радостное, настроение. Это ощущение радости, солнца отчётливо вспоминается нам, если мы смотрим на картину художника, который изобразил на полотне летний солнечный пейзаж.

Допустим, что мы никогда не видели моря, но, посмотрев на картины великого русского художника Айвазовского, мы можем представить себе море во время шторма или в тихую погоду, в разное время суток — днём, на рассвете, при луне.

Вспомним несколько известных картин, на которых художники запечатлели отдельные сценки из жизни детей. Вот небольшая картина художника Перова «Тройка»: трое маленьких

оборванных детей, напрягая все силы, везут на санях обмёрзшую бочку с водой. Глядя на оборванную одежду детей, на их утомлённые лица, можно определить, что событие, воссозданное художником Перовым, могло произойти в прошлом веке в царской России.

Совсем другое настроение передано в картине Решетникова «Прибыл на каникулы» — маленький суворовец, войдя с чемоданом в комнату, рапортует своему деду о прибытии в отпуск. Он подтянутый, ловкий, нарядный.

Ещё картина — «Опять двойка!» Написал её художник Решетников. Мальчуган, вернувшись из школы домой, чувствует себя виноватым: он катался на коньках, не выучил уроки и получил плохую отметку.

Ещё один пример: картина художника Грекова — «Тачанка»: по кубанской или украинской степи мчатся кони, везут тачанку. Всмотревшись в картину, мы видим красноармейцев, которые едут на тачанке, их бесстрашие, уверенность в победе. В этой картине нас привлекает и другое: стремительный бег коней, их сила и даже быстрота движения.

Вы видите, что изобразительное искусство, в частности живопись, имеет большое и разнообразное значение. Произведения живописи передают нам образы людей более полно и глубоко, чем это может сделать фотография, потому что художник при создании портрета старается показать основное и характерное.

Художник может создать образ природы, передать нам настроение, которое испытал сам, наблюдая её.

Художники в отдельных сценках показывают жизнь людей, их быт, характеры, настроение, даже мысли.

Работы художников расширяют наши представления об окружающем, обогащают нашу память, учат человека видеть красивое в природе и в жизни, учат думать и понимать.

Рисунки с натуры

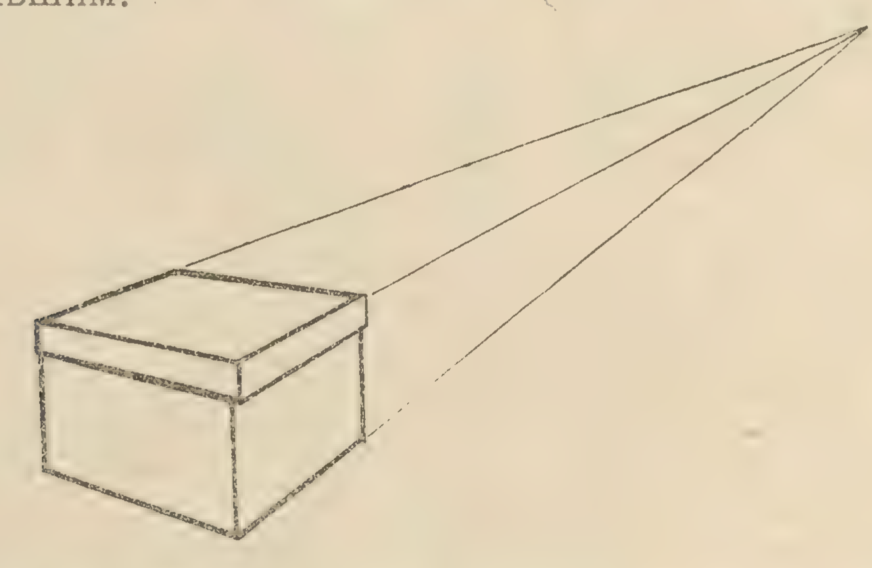
Для того, чтобы правильно нарисовать предмет, надо рисовать его с натуры, так, чтобы предмет был всё время перед глазами.

Начинать рисовать с натуры надо с самых простых вещей. В них легче разобраться, точнее, правильнее изобразить увиденное. Сложные предметы, если к ним внимательно присмотреться, состоят из нескольких простых. Например, дома, комнаты, столы, шкафы имеют форму, похожую на ящик или на несколько ящиков.

Так мы и возьмём для первой зарисовки с натуры обыкновенный небольшой ящик. Поставим его недалеко от себя, чтобы он был хорошо виден и освещен.

Одна из стенок ящика, та, которая повёрнута к нам, будет видна целиком, как прямоугольная доска. Совсем по-другому выглядит верх крышки ящика: уходящие от нас края крышки как бы имеют наклон к средине ящика. Если продолжить линии краёв крышки кверху, мы убедимся, что они сойдутся в одной точке на линии, проведённой через средину ящика.

Если ящик стоит к нам ближе одним из углов, то три виденные нами грани ящика будут казаться нам разной длины. Плоскости стенок и крышки так поставленного ящика будут казаться нам неправильными четырехугольниками, а ближний к нам угол ящика будет казаться большим.

Если мы продолжим кверху линии стенок ящика, то они пересекутся в одной точке. Это следует сделать для проверки, правильно ли мы нарисовали ящик.

При работе над зарисовкой ящика обратим так же внимание на то, что стенка, которая повёрнута к окну или к лампе, освещена гораздо ярче, чем крышка, по которой свет только скользит (или, наоборот, лучше освещена крышка, а не стенка). Вторая стенка находится в тени.

Это следует отобразить и на рисунке.

После ящика мы попробуем нарисовать фарфоровую кружку. Это сложнее. Нам надо показать, что кружка не плоская, что та половина кружки, которую нам видно, выступает вперёд полукругом. Для этого следует провести тонкую линию через средину предполагаемого рисунка и мысленно через предмет, который мы хотим изобразить. И от этой линии (от оси) рисовать стенки и края так, чтобы они выходили полукругом вперёд.

И снова мы должны показать на рисунке, как кружка освещена.

При работе над рисунком не следует часто пользоваться резинкой. Резинка — плохой помощник в работе. Она мажет рисунок, и мы, в надежде на резинку, часто бываем невнимательными. Набросок рисунка, пока мы не убедились в его правильности, следует делать тонкими, малозаметными линиями. При исправлении такого рисунка их можно не стирать. Надо приучить себя строже относиться к работе, только тогда можно добиться успеха.

При зарисовке с натуры надо обращать внимание на материал предмета, чтобы деревянный ящик, изображённый на рисунке, выглядел бы именно деревянным. Надо учиться внимательно всматриваться в предмет, в материал, из которого он создан.

Начинать учиться писать красками лучше всего с акварели, водяной краски, а не с масляной. Акварелью работают на бумаге, она быстро сохнет, дает чистые, приятные тона.

Когда у нас будут хорошо получаться рисунки отдельных предметов, возьмём небольшую группу их: например, книгу, тетрадь, карандаш, кисть в стакане.

Если внимательно присмотреться, то книгу да и тетрадь можно рисовать уже знакомым нам приёмом, как мы рисовали ящик, а стакан — как рисовали кружку. Однако поставленная перед нами задача гораздо сложнее, потому что мы взяли не

один предмет, а несколько. Нам надо правильно изобразить расстояние от одного предмета до другого, показать отношение размеров, чтобы маленькие вещи на рисунке вдруг не сделались большими, а толстые — тонкими.

И ещё одна трудная задача поставлена перед нами — изображение стакана. Когда мы рисовали кружку, задача была проще, мы не видели её другой стороны, а стакан стеклянный, прозрачный, надо показать, как будет выглядеть та часть стакана, которая только просвечивает.

Группа таких предметов или фруктов, овощей, цветов, собранных вместе, называется натюрморт.

Учитесь рисовать по памяти

Для того, чтобы научиться рисовать, надо прежде всего научиться наблюдать, развивать свою зрительную память.

Бывает так: когда мы идём по улице, нам кажется всё знакомо и просто. Но стоит придти домой, взяться за карандаш и попробовать изобразить на бумаге то, что мы только что видели и видели много раз, память нам изменяет, возникают трудности, нарисовать правильно самую простую вещь кажется уже невозможным.

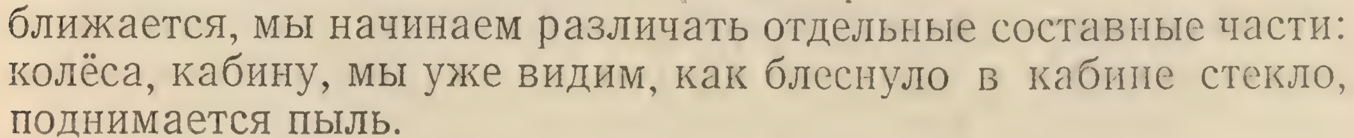
Для этого и надо развивать зрительную память. Например, мы решили зарисовать небольшой деревянный дом. Рассматривая его перед тем, как начать рисовать, надо обратить внимание не только на количество окон, расположение двери, на скат крыши, но и на пропорции частей дома. Можно издали рассчитать «на глаз», какая часть окна поместилась бы в простенке между окон, какая часть до крыши, какой ширины и высоты дверь. Следует обратить внимание на один из важнейших законов живописи: то, что находится ближе к нам, на рисунке изображается бóльшим размером, чем то, что расположено дальше от нас.

Например, мы решили зарисовать два дерева, растущие одно ближе, другое дальше. В действительности, деревья одинакового размера, а на рисунке ближнее дерево и в ширину и в высоту занимает значительно больше места, чем дальнее. И чем дальше от первого расположено второе дерево, тем мельче оно

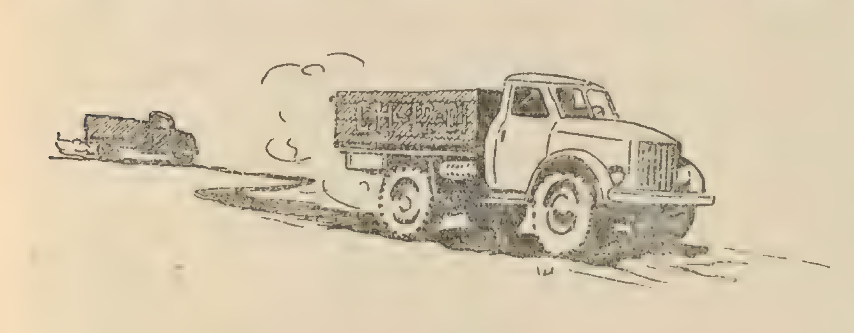
изображается на рисунке. Этот закон относится к изображению всех предметов и всех частей каждого предмета. Так например, ближняя стена того дома, который мы решили изобразить, будет на рисунке больше, чем та, которая удалена.

В жизни мы наблюдаем это очень часто. Вдали по дороге идёт грузовая машина. Издали она кажется нам маленькой, не больше жука, потом приблизилась, стала казаться размером с игрушечную машину, а когда подошла совсем близко, мы видим, какая она большая!

На этом же примере мы можем проследить ещё один интересный закон, которым пользуются художники. Когда машина вдали, мы не различаем отдельных ее частей, колёс, стёкол кабины. Когда машина приближается, мы начинаем различать отдельные составные части: колёса, кабину, мы уже видим, как блеснуло в кабине стекло, поднимается пыль.

И вот машина подошла совсем близко, остановилась «на переднем плане», как говорят художники. Мы отчётливо видим, что кузов состоит из отдельных досок, что в кабине сидит шофёр, что колёса у машины в пыли, что машина освещена солнцем, а от дерева на неё падает тень.

Из этого примера мы можем сделать ещё один вывод: предметы, которые от нас удалены, изображаются обобщенно, а те, которые мы видим близко, мы изображаем подробно, со всеми деталями, особенно обращаем внимание на расположение света и тени.

Когда мы рассматриваем предмет, который хотим зарисовать по памяти, мы обращаем внимание на то, как предмет освещён, где падает тень, стараемся научиться передавать

сочетание света и тени. Это так же необходимо художнику, как и знание перспективы (уменьшения предмета в зависимости от его отдалённости). Сочетанием света и тени, как и перспективным построением предмета, художник передаёт объём этого предмета.

Опыт зарисовки по памяти небольшого дома, дерева, лодки, мостика следует повторять по нескольку раз и после каждого рисунка снова возвращаться к тому предмету, чтобы убедиться, насколько правильно изображение. Очень важно самому увидеть свои ошибки, понять, почему они произошли, чтобы в следующем рисунке их не допускать. От рисунка к рисунку будет накапливаться опыт, развиваться зрительная память.

Для вышивания надо подготовить ткань, нитки, напёрсток, иголки и ножницы.

Использована может быть не только новая ткань, но и старая. Лучше всего вышивать на холсте или льняном полотне.

Для вышивания «крестом» нужны мягкие нитки: шерсть, шёлк, мулине или штопка. Если нет ниток подходящего цвета, используйте старые трикотажные изделия: чулки, носки и др. Носки и чулки надо распускать с носка.

«Крест» вышивается по канве или продёрнутой сетке. Возьмите ткань и приготовьте на ней сетку для вышивания. Для этого нужно продёрнуть в правильном порядке долевые и поперечные нитки ткани. Например: одна продёрнута, четыре не продёрнуты, дальше опять одна продёрнута, следующие четыре не продёрнуты (рис. 1).

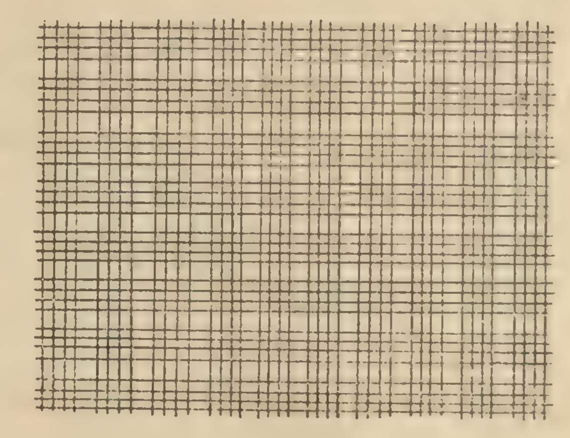

Рис. 1.

Вот теперь можно приступить к вышиванию. Ещё одно замечание: иголки выбирайте не длинные, с большим овальным

ушком, чтобы в него свободно проходили нитки и не перетирались во время работы.

Настил «крестика» получается от пересечения двух косых стежков. Если крестики идут по узору в одном ряду, то сначала надо сделать косые стежки в одном направлении (слева направо), а затем в обратном, перекрещивая их и равномерно натягивая нитку (см. рис. 2).

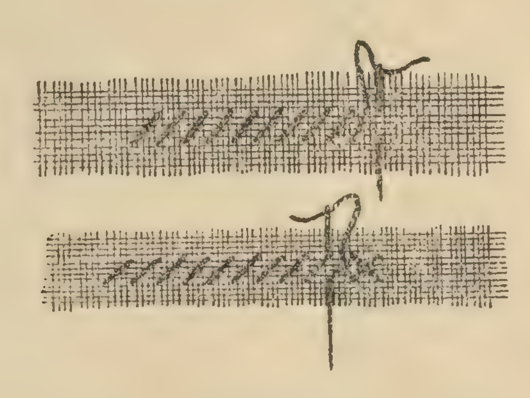

Рис. 2.

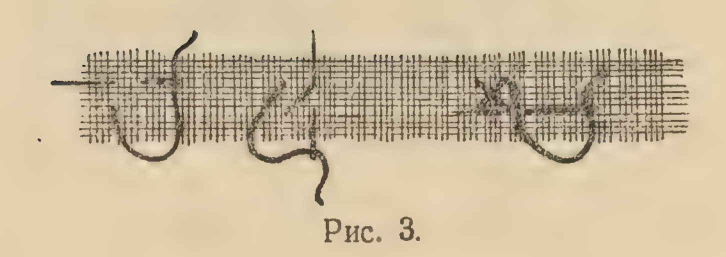

Рис. 3.

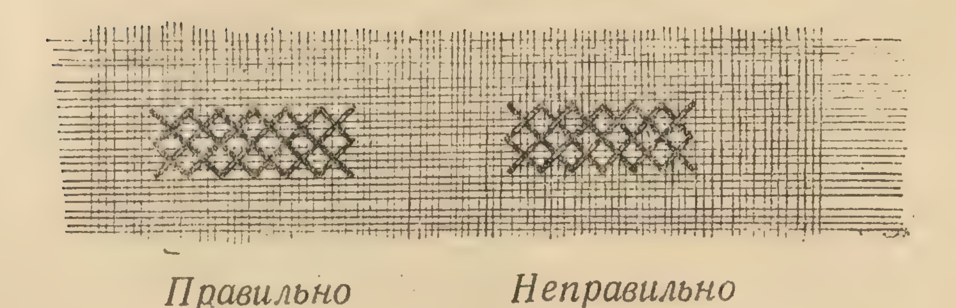
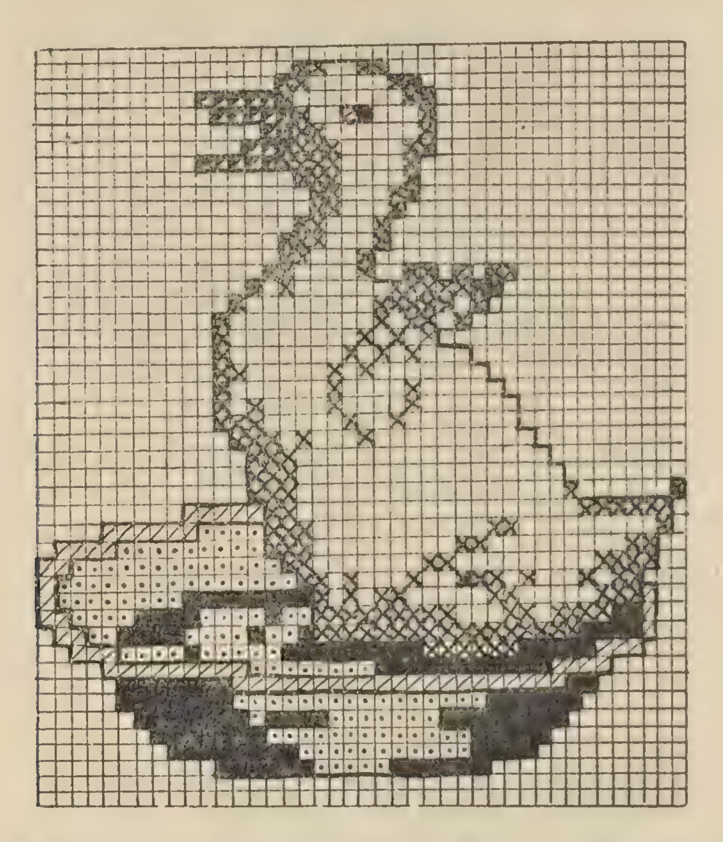

Рис. 4.

Одиночные «кресты» делаются так, как показано на рис. 3. Верхние стежки всех рядов должны быть выполнены в одном направлении, иначе рисунок получится неровным, «рябым» (см. рис. 4).

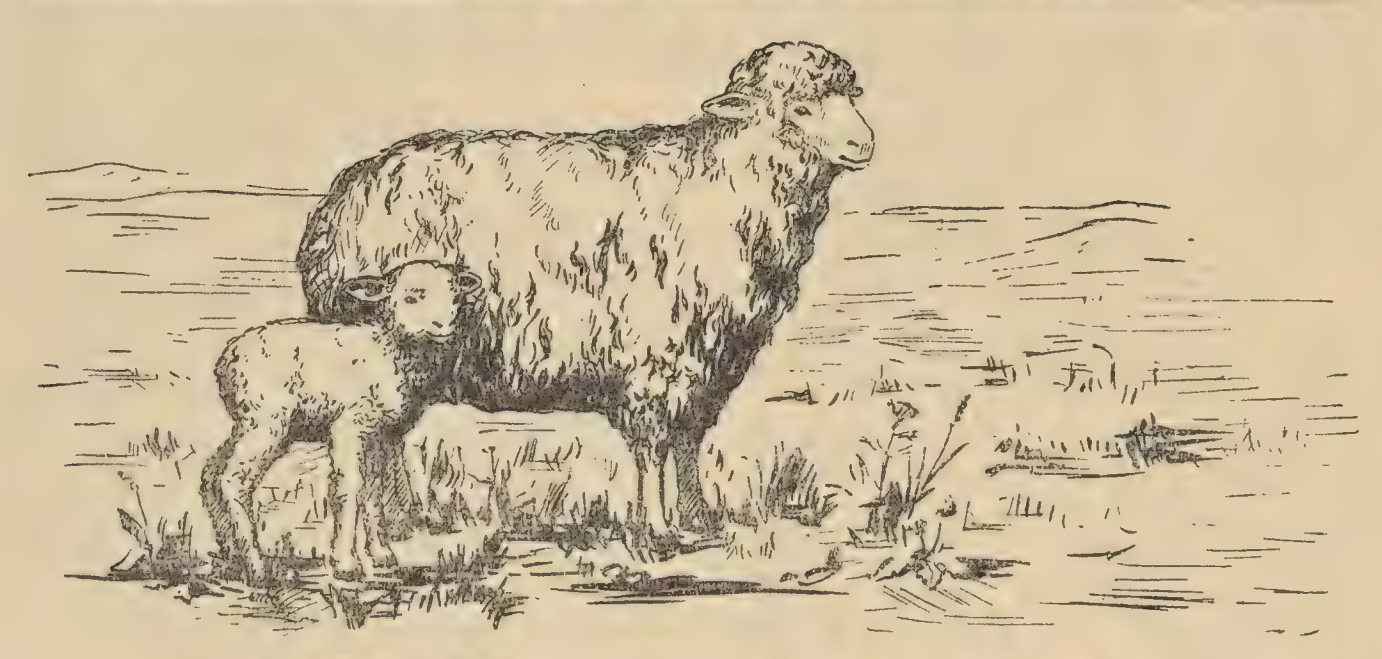
Для начала попробуйте вышить этого утёнка.

Очень хорошо украсить такой вышивкой фартучек малыша или сумочку для носового платка.

Красный   Светлокоричневый   Жёлтый
Светлоголубой   Тёмноголубой   Белый
Клеточек в длину – 41, в высоту – 43

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Овечка

П. Яшина *Рисунки Ю. Истратова*

Катя летом гостила в деревне у бабушки. Ей так понравилось там, что она загостилась до осени.

Однажды Катя прибежала домой со слезами:

— Что случилось, внученька? О чём ты плачешь? — спросила бабушка.

— Мы-ы с Та-та-ней ходили на скотный дво-о-р! — всхлипывая, начала рассказывать Катя.

— Ну и хорошо! Чего же ты плачешь?

— Там овечек мучают! — снова заплакала Катя.

— Как мучают? Кто? — встревожилась бабушка.

— Да колхозницы! Они, знаешь, ножки им связывают! — сердито говорила Катя.

— Ну, хорошо! — сказала бабушка.— Сейчас пойдём туда с тобой вместе и посмотрим, кто смеет мучить овечек.

Пришли Катя с бабушкой в овчарню и увидели, что под навесом на чисто вымытом полу лежат несколько овечек со связанными ногами. Возле каждой овцы — две колхозницы. Одна из них придерживает овцу, а другая длинными чёрными ножницами стрижет шерсть.

— Вот, видишь, бабушка, что они делают,— сказала Катя и снова чуть не заплакала.

Тут бабушка не выдержала и рассмеялась.

— Так, Катенька, и надо. Затем колхоз и держит много овец. Им не больно, не думай. К зиме шерсть на них вырастет ещё гуще, ещё теплее. Весной её опять состригут, а к осени она снова отрастёт. Теперь давай посмотрим, какова шерсть,— предложила бабушка.

Катя увидела, что с белой овцы шерсть кладут в одну кучу, с серой — в другую, а с чёрной — в третью.

Бабушка нагнулась, взяла из одной кучи шерсть, потёрла пальцами.

— Хорошая шерсть! — похвалила она,— мягкая, тонкая, как шёлк! и какая длинная!

Катя тоже хотела потрогать, да оступилась и прямо утонула в куче шерсти.

Одна колхозница рассмеялась, а другая сердито сказала:

— Не балуйся! Не мни шерсть!

Бабушка подала Кате руку и помогла ей встать.

Видит Катя, а овечек уже остригли.

— Ой, какие смешные они стали, тоненькие! Смотри-ка, бабушка, у них хвостики стали! — удивилась Катя.

— Хвостики у них и раньше были, только под густой шерстью их не было видно,— объяснила бабушка.

Когда на улице стало совсем холодно и выпал первый снежок, бабушка привезла Катю домой, в город, и сама осталась погостить.

Вот однажды утром взяла бабушка какую-то дощечку, привязала её стойком к спинке стула, а к верхушке доски привязала пучок белой шерсти, точно такой, какую Катя видела в колхозе.

Потом бабушка достала из сундучка какую-то интересную, точёную палочку. Кверху палочка тоньше, а книзу — толще.

Катя попросила у бабушки эту палочку, повертела её в руках — палочка чистенькая, жёлтенькая, чуть-чуть виднеются две голубые полосочки.

— А что это такое, бабушка? — с любопытством спрашивала Катя.

— А это, Катенька, веретено. Теперь таких нет. Мне его подарила бабушка, когда я была маленькая. Вот смотри, что я стану делать.

С этими словами бабушка как-то прицепила шерсть к веретену, щёлкнула пальцами, веретено завертелось, зажужжало, потянулась нитка.

Бабушка намотает нитку на веретено, щелкнёт пальцами, веретено опять завертится, зажужжит. Всё больше и больше ниток навёртывается на веретено, оно стало пузатое, толстое.

— Ты нитки делаешь, бабушка?

— Да, пряду нитки.

— Их всегда так делают?

— Нет, это в старину так пряли. А теперь шерсть прядут на фабрике. Там очень много веретён, и крутит их машина. Глазом моргнуть не успеешь, как много-много ниток получается, ровных, тонких.

Когда бабушка спряла всю шерсть, она выкрасила нитки в синий и оранжевый цвет и смотала их в клубочки. Потом взяла блестящие, железные спицы и начала что-то вязать.

В воскресенье у Кати был настоящий праздник. Когда все позавтракали, мама достала какой-то свёрток и сказала:

— Вот тебе, доченька, от меня к зиме подарок.

Катя и бабушка развернули свёрток и увидели свитер, рейтузы и шапочку. У Кати заблестели глаза, она бросилась обнимать маму.

Папа улыбнулся, вышел ненадолго и вернулся, неся в руках шубку и маленькие серые валеночки.

— Вот тебе ещё. Наряжайся,— сказал он.

Катя захлопала в ладоши, запрыгала.

— Ну, одевайся, одевайся, посмотрим! — сказала бабушка.

Катя надела рейтузы, свитер, шапочку с помпоном, ноги обула в новые валенки.

— Ой, а шубка, как ягнёночек, такая же кудрявая! — радовалась Катя.

— Ну, теперь мой черёд,— сказала бабушка и принесла синий шерстяной шарфик с двумя оранжевыми полосочками на концах и такие же синие варежки с оранжевыми звездочками.

— На мне теперь всё из шерсти, да, бабушка? Из той самой, из овечьей, да?

— Да, да, верно, Катенька,— сказала бабушка.

— Я, как овечка!

— Совсем овечка, только нарядная,— засмеялся папа.— Никакой мороз тебя не возьмёт. Иди, гуляй!

И Катя, довольная, побежала на улицу.

ВЕСЁЛЫЕ СТИХИ

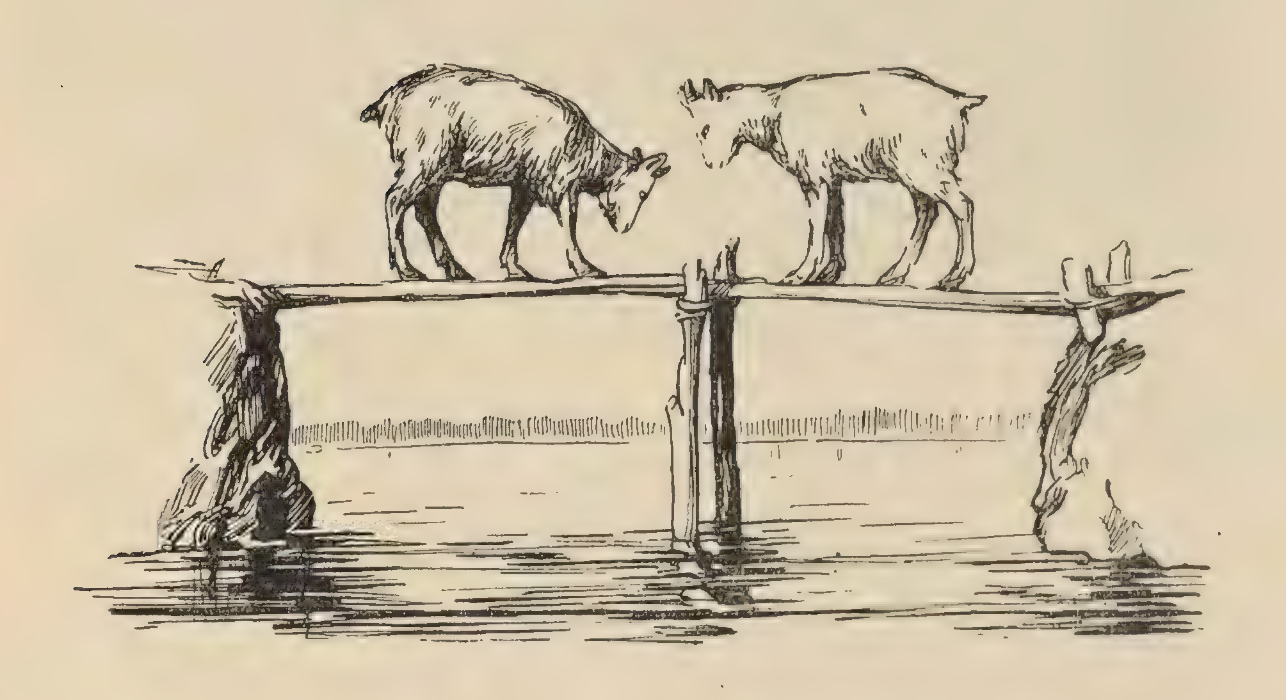
Грицко Бойко

ПРО КОСОГО

Убегал зайчишка бором
Да леском,
Повстречался на дороге
Он с ежом.
Крикнул ёж, что было силы,
Вслед ему:
— От кого ты удираешь,
Почему?
Был ответ у косоглазого
Таков:
— Удираю от облавы
На волков...
Тут он лапкою пот вытер
И замолк.
— Так чего ж ты удираешь?
Ты ж не волк!
— Как поймают, шкуру снимут,
Братец мой,
Докажи тут, что не волк ты,
А косой...

РАЗУМНИКИ

Через речку по мосточку
Путь проходит краткий.
Здесь друг другу шли навстречу
Малые козлятки.

Узок мостик, но козляткам
Нет другого ходу.
А свернёшь в сторонку, значит —
В ледяную воду!
Встретились, остановились,
Наставили рожки —
Никому охоты нету
Повернуть с дорожки.
Вдруг один из них ложится,
Второй понимает
И, заблеяв благодарно,
По нему ступает.
Разминулись, разминулись!
Разумными стали!
Знать, они уж о козлятках
Сказку прочитали...

КОШЕЧКА

Киса рядом на диване
Примостилась возле Тани.
Таня книжечку листает,
Сказку про мышей читает.
— Скучно, кошечка, тебе:
Не поймёшь ни «ме», ни «бе»...
Но кошачьи коготки
Вдруг вонзилися в листки.
Таня кисе говорит:
— Повнимательней смотри,
У меня в руках ведь книжка,
В ней рисунок, а не мышка!

ЗУБЫ

У сестрички Любы
Выпадают зубы.

Жалуется Люба:
— Я теперь беж жуба...

Перевёл с украинского ***Е. Ружанский***

БАБУШКА И ВНУЧЕК

Внучонка бабушка качает,
А он никак не засыпает.
Она ему уж всё, что знала —
Стишки и сказки — рассказала.
Устала, снова припевает,
А внук никак не засыпает.
Вдруг в комнате так тихо стало:
Уже, наверно, укачала...

Но нет: вновь слышу голосок.
Что он так тонок и высок?
Пойду-ка, в комнату вернусь я:
Поёт как будто не бабуся.
Зашёл, там всё наоборот:
Бабуся спит,
а внук поёт!..

Г. Сурсяков *Рисунки Н. Мамчича*

Села Катя на кровать,
Платьице надела.
Стала туфли доставать —
Шарика задела.

Шарик спит всегда в углу,
На подстилке, на полу.
Псу-малышке негде спать,
Как нужна ему кровать!

Есть друзья у Кати нашей:
Ваня, Коля, Нина, Маша.
— Дальше псу так жить нельзя! —
Соглашаются друзья.

И поёт уже пила:
— Принимайтесь за дела!
Вот в руках Ивана
Завизжал рубанок.

Нина с Машей лентой алой
Обшивают покрывало.

Тянет ниточку игла
От начала до узла.
Забивает гвозди Коля,
Он дощечку не расколет.

Тук-тук, молоток,
Залезай, гвоздок!
— Не мешайся, пёс,
Убирай свой нос!..

Вот она — кроватка,
Новая и гладкая!
Готова и под ушко
Пуховая подушка.
День окончен трудовой,
Мастера идут домой.

Ночь ложится на дворе,
Спать пора и детворе.
Сняты туфельки и платье,
Засыпает наша Катя.
Ну, а пёс улёгся спать
На подстилку, не в кровать.
Видно, жалко стало
Пачкать одеяло!

Подарок

В. Телегин ***Рисунки Е. Гилёвой***

Меня зовут Олей. Хотите, я расскажу, как мы отметили день рождения моего братишки Пети? Ну, слушайте.

Это было вчера. Проснулась я, когда мама и папа уходили на работу. Мама подошла, укрыла меня одеялом:

— Спи, тебе ещё рано вставать.

Они ушли, а я стала смотреть на солнечный зайчик на потолке. Значит, ночью прошёл дождик, и лужа у дома не успела высохнуть. Я лежала и думала: вечером Петю будут поздравлять с днём рождения, принесут подарки. А что же я подарю?

Долго не могла ничего придумать. Но вдруг обрадовалась: а что, если к вечеру научить его ходить? Вот будет здорово! Он у нас ходит только тогда, когда держится за чей-нибудь палец.

Так я и решила. Я снова посмотрела на зайчика. Он почему-то прыгал сейчас часто-часто. Наверное, ветер поднялся. Я глянула в окно — и вовсе не ветер! Это соседский Лёнька кидал в лужу камни. Недавно он на нашей стенке написал углём «Оля». Моя бабушка рассердилась и обещала пожаловаться Лёнькиному отцу.

Я отвернулась от окна. В это время вошла в комнату

бабушка. Она принесла картонную коробку, перевязанную шёлковым шнурком. В коробке были туфельки для Пети.

— Буди именинника,— радостно сказала бабушка.

Я быстро разбудила Петю, и вместе с бабушкой мы обули его в новые туфельки.

...После завтрака я поставила Петю посредине комнаты у стула — он схватился за него ручонками. Я сказала, что он сегодня именинник, поздравила его. Но Петя отвернулся и захлопал ладошкой по стулу. Тогда я позвала его к себе. Он рассмеялся, затопал ножкой и закричал:

— Ти, ти, ти!

Это по-Петиному значит: — боюсь, боюсь, боюсь!

Тут на туфельке развязался шнурок. Я стала завязывать, а Петя схватил мою ленту в косичке и потянул изо всей силы. Мне стало так больно, что я решила не учить Петю ходить. Отошла к окошку и стала смотреть на улицу. Лёньки уже не было. День был солнечный, и мне очень хотелось побегать. Но как же с Петей быть? Я оглянулась на него и ахнула от удивления: он стоял, не держась за стул. Он, видно, хотел идти, да боялся сделать шаг.

— Ну чего здесь страшного? — сказала я и позвала его к себе. Но Петя тут же снова схватился за стул.

«А что, если перед ним держать ленточку? — подумала я.— Он будет за ней тянуться и обязательно пойдёт». Долго не раздумывая, выплела из косичек свою ленточку и поднесла её Пете. Он быстро протянул за ней руку, а когда я отвела ленточку подальше, Петя сделал шаг, другой, потом упал и расплакался. Сразу же вошла бабушка, подняла его с пола, успокоила и обещала на меня пожаловаться маме. От этого весь день у меня было плохое настроение.

...Вечером ждали гостей. Именинник крепко спал, и его пока не будили. Мама вовсе и не узнала, что это из-за меня сегодня Петя упал. Бабушка промолчала. Хорошая она у меня.

Мама нарядилась в новое платье — голубое в мелких вишенках. Косу, которую она всегда укладывала на затылке, сделала полукругом над головой. Папа надел костюм и белую рубашку с галстуком. Он подошёл к маме — она стояла перед зеркалом — и сказал:

— Какая ты у меня красивая!

А мама рассмеялась, посмотрела в окно и вдруг вскрикнула:

— Проглядели! Гости-то уж во дворе...

Когда все расселись за столом, дверь открылась, и на пороге появились бабушка и Петя. Гости захлопали в ладоши. Петя был очень хорошенький в своих новых туфельках и матроске — маминой подарке. Он шёл очень важно, не спеша, держась за бабушкин палец.

Папа посмотрел на гостей, улыбнулся и сказал:

— Парень он у нас — герой. Только вот сам не ходит пока.

Но в это время Петя увидел маму — она звала его к себе — и неожиданно отпустил палец и пошёл, смешно переставляя ножки. Мама так обрадовалась, что встала и пошла навстречу Пете. И хорошо сделала, потому что Петя упал, но... прямо на руки маме. Все громко захлопали.

Я почему-то подумала, что Петя расплачется. Но он рассмеялся, посмотрел на всех, застеснялся, спрятал лицо в мамино плечо. Все смеялись. Смеялась и мама. Но вдруг я заметила, как из маминых глаз выбежала слеза, подрожала на щеке и скатилась на платье. Я очень испугалась. Но папа нисколько не испугался. Он обнял маму за плечи и поцеловал прямо при всех в лоб.

Гости снова захлопали. Всем было весело, все смеялись. Мне тоже было очень весело.

СОДЕРЖАНИЕ

Для малышей

*Издательство просит читателей
и библиотекарей присылать отзывы
и замечания об этой книге
по адресу:
г. Свердловск, ул. имени Ленина, 49,
Свердловское Книжное Издательство.*

Боевые ребята № 21.

Редактор *И. Круглик*
Обложка *В. Игошева*
Художественный редактор
Н. Крижановская
Технический редактор *Л. Носова*
Корректор *Р. Селянкина*

*

Подписано к печати 9/VI 1955 г. Уч.-изд. л. 6,88. Бумага $70 \times 92/_{16}$=4,25+1 вкл. бумажного —9,09 печатного листа.
НС43018. Тираж 25000. Заказ № 61.
Цена 4 р. 45 к.

*

5-я типография треста Росполиграфпром,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

*

32

4 р. 45 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1955